

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ТРУДАХ ИТАЛЬЯНСКОГО СЛАВИСТА ПРОФЕССОРА РИККАРДО ПИККИО

Olga NEDELJKOVIĆ, Zagreb

*»Единого масштаба, под который
можно было бы подогнать все цивили-
зации и эпохи, не существует...«*

(А. Я. Гуревич, Категории средневековой культуры, Москва 1972, 7¹)

Основываясь на современной европейской научной платформе и видении неогуманистического универсализма, выдающийся итальянский славист, профессор Риккардо Пиккио подошел к изучению центральных и сложных проблем славянской филологии с самого начала возникновения славянской кирилло-мефодиевской письменности вплоть до переломного периода — окончательного создания славянских литературных языков и проблематики современных славянских литератур. При этом включая в свои исследования всю славянскую средневековую и современную историю и культуру, литературу и язык, как специфические явления, возникшие под влиянием различных факторов развития в Центральной и Восточной Европе, — Р. Пиккио разрабатывает их в рамках разнообразной тематики. Располагая блестяще разработанной научной методологией, а также широкими синтетическими теоретическими концепциями, итальянский филолог суммирует достижения как пионеров славистики, а так и многочисленные вклады ученых последнего времени, пытается согласовать все достигнутые ценности и подойти ко всей проблематике с точки зрения современных европейских научных концепций, при этом придавая всем этим усилиям новые измерения. Таким образом, Р. Пиккио приближает и включает культурно-историко-литературные феномены славянской цивилизации в западноевропейскую науку и культурные течения. Следуя традициям итальянской славистики, особенно школы Джованни Мавера, которая опирается на методы современной филологии (в частности романистики и германистики), Р. Пиккио стремится к осуществле-

¹ Все цитаты взяты из произведений профессора Риккардо Пиккио, а также и других авторов, переведены на русский язык автором данной статьи. — О. Н.

нию широкого и нового экзегетического историко-филологического синтеза в своих исследованиях славянского Средневековья. Ориентируясь на общую европейскую интернациональную филологию и исходя из современного культурно-философского синтеза, новейших исследований стилистики, эстетики и теории литературы, ведущий итальянский славист вносит в свои филологические исследования строго ограниченные теоретические позиции и критико-методологические предпосылки, указывая на существенные недостатки и общие пропуски как оправданные, так и неоправданные современных славянских национальных филологий во всей их причинно-последовательной переплетенности и сложности.

Уже в самых ранних трудах Р. Пиккио, хотя и подчеркивает заслуги романтизма в формировании и развитии славянской филологии, в то же время указывает, как затем, по мере проникновения сильных национальных движений в общий этническо-филологический патриотизм, романтизм сделался тормозом дальнейших исследований в этой дисциплине, расчлняя на отдельные, национализмом вдохновленные филологии, общее славянское достояние культуры Средневековья. В ряде случаев Р. Пиккио указывает на необходимость пересмотра отдельных концепций национальных филологий, а также методологии исследования с тем, чтобы вернуться к наднациональному филологическому исследованию и лингвистике, и политической истории, и истории литературы в направлении создать единое понятие средневековой культуры православных славян.² Его труды несомненно представляют собой решительный поворот в методологическо-теоретическом плане славянских исследований. По его мнению, большинство существующих до сих пор научных работ по средневековой литературе, представляя собой своего рода введение в «настоящую» литературу, часто базируется на социально-националистических аспектах. В то же время итальянский славист указывает на то, что недостает общих толкований средневековых славянских текстов. Борясь против критериев абстрактной лингвистики и отделения «слова» от исторически конкретного языка текста, автор убедительно заявляет: «Каждое серьезное филологическое стремление будет фактически направлено к отклонению от установленного разделения между «речью» (*parole*) и языком (*langue*), между индивидуумом и коллективностью, разделения, создававшегося то идеалистическими, то позитивистскими тезисами. Между индивидуумом и коллективностью, между творческой свободой и языковой нормой требуется признание непосредственных диалектических отношений. Стилистика как метод исследования, при котором будет изучаться индивидуальное выражение на основе эффективно примененных языковых средств,

² Idem, *Die historisch-philologische Bedeutung der kirchenslavischen Tradition. Die Welt der Slaven VII* (1962), 1–27, 1–4; idem, *A proposito della Slavia ortodossa e della comunità linguistica slava ecclesiastica. Ricerche Slavistiche XI* (1963), 105–127; idem, *Slave ecclésiastique, slavons et rédactions. To Honor Roman Jakobson, vol. 2, Mouton, The Hague-Paris 1967, 1527–1554, 1533, 1540–44; idem, Introduction à une étude comparée de la question de la langue chez les Slaves, Études littéraires slavo-romanes, Studia historica et philologica – VI, Sectio Slavoromanica 3, Firenze 1978, 159–196. Английский текст этой статьи Guidelines for a Comparative Study of the Language Question among the Slavs будет опубликован в Yale Slavic National Language Project.*

дает всегда дальнейшие рациональные подходы для повторного освоения конкретной филологии.»³ Под «конкретной филологией» автор подразумевает собрание общих знаний, дающих возможность полностью изучить тексты с самобытной историко-культурной точки зрения, на основе анализа языковых средств выражения, с применением критериев критики текста, чтобы создать синтез литературной средневековой традиции и чтобы получить общее историческое видение непрерывности в истории языка литературы старого и нового времени. Филологические исследования необходимо направлять на сам текст, в смысле новой оценки текста, как такового, в его автономной индивидуальности, изучая его структуру прежде, чем его функцию.⁴ Понятие «литературного текста» определено с позиций «открытой традиции», типичной для славянских текстов. Поэтому текстологический материал, находящийся в наибольшем количестве анонимных документов церковнославянской литературы, будет изучаться вместе с фольклорной традицией методами, требующими целостного рассмотрения их текстологической традиции. Только, когда речь идет об определенных произведениях, связанных с творчеством отдельных авторов, те же самые принципы критики текста классической филологии следует применять и в случае датировки, и при описании произведений.⁵

³ R. Picchio, *Die historisch-philologische Bedeutung...*, 8–9; idem, *Osservazioni sulla tradizione stilistica nella letteratura russa antica*. *Rivista di letterature moderne e comparate* XI (1958), 101–130, 122–124; idem, *Le canzoni epiche russe e la tradizione letteraria*. *Atti del Convegno internazionale sul tema: La poesia epica e la sua formazione* (Accademia dei Lincei), Roma 1970, 476–480, 467–468. Этот свой подход в отношении оппозиции *langue-parole* Р. Пиккио снова уточняет в своей последней работе «*Roman Jakobson on Russian Epics and Old Russian Literature*» (в сборнике, посвященном Роману Якобсону, готовящемся в печать): «опозицию *langue-parole* можно было бы применить во взаимоотношениях между литературой как социально принятым типом словесного исполнения с одной стороны, и писателем — с другой, что по своей сути можно было бы скорее рассматривать как параллель между любым исполнителем 'фольклора' и его публикой. Таким образом, оппозицию *langue-parole* можно было бы скорее понять как общий, внутренний признак 'фольклора' и 'литературы', а не применять ее как критерий отличия, чтобы отделить одну деятельность от другой, как, кажется, это употребляют Якобсон и Богатырев.» (Manuscript).

⁴ R. Picchio, *Die historisch-philologische Bedeutung...*, 9; idem, *Osservazioni sulla tradizione stilistica...*, 101–130, 119; «История литературы, которую мы стремимся создать, является историей изучения стилей в самом широком смысле данного термина. Этот свой манифест в славянской филологии Р. Пиккио постепенно осуществлял в его дальнейших трудах, особенно в одной из своих последних работ, дающей полную картину, раскрывающую достигнутые результаты в этой области. (R. Picchio, *Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom*. *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists*, vol. II, The Hague-Paris 1973, 439–467.)

⁵ R. Picchio, *In merito alla tradizione testuale russa antica*. *Studi in onore di Arturo Cronia*. Università di Padova. Centro di studi sull'Europa orientale, 1967, 415–432; idem, *Le canzoni epiche russe e la tradizione letteraria*, 467–480; idem, *On the Textual Criticism of Xrabr's Treatise*. *Studies in Slavic Linguistic and Poetics*. Honor of Boris O. Unbegaun, New York – London 1968, 139–147; idem, *Questione della lingua e Slavia Cirillometodiana*. *Studi sulla Questione della lingua presso gli Slavi*, Rome 1972, 1–120, 15–17. На стр. 73, в сноске №2 автор ссылается на G. Pasquali, *Storia della tradizione e critica del testo*, 2^a ed. Firenze 1952, который сформулировал по-

Знаменитый итальянский филолог-энтузиаст на основе широко воспринятой им славяно-романской сравнительной филологии освящает главные теоретические основы существенных компонентов общеславянского литературного развития в новой эпохе, начинающейся с латино-романской культуры гуманизма и классицизма и продолжающейся вплоть до наших дней. Р. Пиккио пытается определить вклад латино-романского наследия в развитие славянской литературной системы в связи с появлением новых типологических моделей и концепций, характерных для славянской литературы новой эпохи. Исходя из факта, что итальянский гуманизм эпохи Возрождения является культурным синтезом классического и средневекового наследия латинского мира, слившегося с греко-византийской традицией, теоретические принципы и методы которой стали общепринятыми в Западной Европе, начиная с эпохи Возрождения, Р. Пиккио анализирует главные типологические определения, установленные между уровнем языка и стилем, представляющие одно нераздельное целое в рамках общего понятия риторики. Это соединяет то, что обычно называется «теорией литературы» и «теорией языка».⁶ Применение таких широких сравнительных критериев стимулирует новый тип исследований в отношении православного славянства и Западной Европы во время так называемого Второго южнославянского влияния. Вообще Р. Пиккио стремится исправить в историографии данного вопроса традиционные интерпретации периода нового гуманизма в Западной Европе, охарактеризованного как духовный «железный занавес», разделяющий латинский Запад от Восточной Европы. Он доказывает, что на самом деле было обратное, особенно в XIV в., требуя новой оценки филологического труда болгарского патриарха Евфимия, и указывает на многие аспекты новых течений, которые до сих пор были неизвестными.⁷

нятие «открытой традиции», как произведения, открытого и предоставленного любой переработке и исправлениям. Idem, *Models and Patterns...*, 453–457; idem, *Roman Jakobson on Russian Epics and Old Russian Literature*, 23–24; idem, *The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of »Slavia Orthodoxa«*. *Slavica Hierosolymitana* I, 1–31. *Compilation and Composition: Two Levels of Authorship in the Orthodox Slavic Tradition*, *Gli Atti del Symposium International: Littérature moyenne grecque et littératures slaves, Correlations dans les recueils manuscrits, Thessalonique 21–24 mai 1979* (в печати); Chapter 13 of *Vita Constantini: Its Text and Contextual Function*, *Slavica Hierosolymitana*. Сборник статей к 70-летию Моше Альтбауера (в печати).

⁶ R. Picchio, *Introduction à une étude comparée de la question de la langue chez les Slaves*, 171–174; *Principles of Comparative Slavic-Romance Literary History. American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists*, vol. 2, Ohio–Columbus. Р. Пиккио, *Латино-романское наследие и развитие литературных систем славянских наций (XVIII–XIX вв.)*. *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы международной конференции Юнеско, Москва 1978*, 361–369. *Renaissance Drama and the Formation of Modern Slavic Literary Systems* (готовится к печати в Материалах Конференции, посвященной театру периода Ренессанса, состоявшейся в Нью Йорке в ноябре 1978 г.).

⁷ Idem, *On Russian Humanism: The Philological Revival*. *Slavia XLIV* (1975), 2, 161–171; idem, *Early Humanistic Trends in the Trnovo School, Bulgaria Past and Present*, ed. Thomas Butler, Columbus, Ohio 1976, 255–260.

Следовательно концепции Джованни Мавера и согласно всей итальянской филологической традиции, которая воздвигнула «мост» между лингвистикой и наукой о литературе, нельзя было пожертвовать изучением «формы» за счет «содержания». Итальянская школа настаивала на изучении стилистических шаблонов, выводящих прежде всего литературную традицию, на рассмотрении: «как» не меньше, чем «что», в целях классификации литературных феноменов в одном адекватном культурном контексте.⁸ В рамках этой традиции Р. Пиккио проводит свои тщательные анализы многочисленных средневековых славянских текстов и это доминирует во всех его филологических исследованиях. Особенно, мы имеем в виду, изучение типологических единиц в рамках конкретной языковой системы текста, притом он тяготеет к одной общей кодификации идеологических и стилистических формул, и к установлению их контекстуальной функции, единственно что дает возможность правильно расшифровать идею, выраженную в тексте. Используем формулировку самого автора, который после мастерского толкования литературных «моделей» и «эталонов» синтезирует с предельной точностью актуальное научное мнение: «...понятие литературного 'жанра' ... не может соответствовать литературной системе средневекового славянства. Это была система, которой управляло структурное взаимодействие литературных эталонов, употребляемых при характеристике стилистических уровней и которая не зависела от тематического единства композиции.»⁹ Это означает, что языковой и идеологический контекст, с которым славянские тексты средневековья могли быть сопоставлены, должен был бы быть определен за пределами местной традиции и данного корпуса документов, т.е. надо было бы проводить параллельное исследование в первую очередь с византийскими, а также со всеми классическими и другими средневековыми текстами латино-западной цивилизации, подводя их под общий знаменатель.

Борясь за радикальные перемены существенных концепций в исследовании огромного корпуса славянских текстов, итальянский славист стремится к новому культурно-историческому видению средневекового славянского наследия и определению его места в европейском контексте. Нельзя не подчеркнуть исключительное научное понимание и терпимость, с которыми профессор Пиккио описывает основные недоразумения и нерешенные проблемы многих спорных вопросов национальных филологий, допуская и другие подходы и мнения, дискуссии в духе терпимости и корректности, что тоже является одним из существенных компонентов метода его научного исследования.

Мы сознаем, что произведениям такого ученого, как Р. Пиккио, ученого таких больших данных и широкого диапазона, следовало бы посвятить большую монографию, чтобы передать глубже и детальнее обширную и разнообразную тематику его трудов. Но мы ограничимся, в первую очередь, некоторыми, ключе-

⁸ R. Picchio, *La slavistica come sintesi storico-filologica nell'opera di Bruno Meriggi*. *Ricerche Slavistiche XX-XXI*, 347–354, 349.

⁹ *Idem*, *Models and Patterns...*, 452–453.

выми и для нас наиболее важными и интересными проблемами, которые он рассматривает в своих органически связанных синтетических исследованиях. Мы постараемся указать на исключительное значение и новые пропорции и перспективы, которые его труды вносят во всех областях исследований славянской филологии.

* * *

»Славия«, или славянство как этническо-культурное выражение в христианской Европе утверждается благодаря миссии Кирилла и Мефодия в IX в. В тот период формируется совместное старославянское койнè, неся функцию междуславянского религиозного языка и распространяясь в политическом плане в течение IX–XI вв. в Моравии и среди балканских славян. В то же время создается и общий старославянский канон переводной литературы, как комплекс текстов, представляющих собой богатство славянской языковой общности. С момента своего возникновения старославянское койнè, как литературная наддиалектная кодификация, никогда не находилось на службе только одной национальной автономии.¹⁰ Церковный раскол, схизма между Римом и Константинополем в 1054 г. были причиной прекращения общего создания старославянской письменности и литературы на различных славянских территориях, что постепенно привело к разделению славянского мира на две различные культурные зоны: *Slavia Romana* (римокатолическое славянство), у которого языком церковным, а также и официальным стала латынь и *Slavia Orthodoxa* (православное славянство), сохранившее и в дальнейшем язык Кирилла и Мефодия как свой церковный и официальный язык.¹¹ Уже в своих первых трудах Р. Пиккио объясняет выбор этого религиозного критерия в качестве основного идеологическо-культурного критерия, создавшего фундамент и наложившего печать на всю средневековую идеологическую экзегезу. Взаимная идеологическая связь главных культурных концептов Средневековья: *naroda* (nation = ethnos) и *вероисповедывания*, определяющих характер каждой культурной общности, — должны принадлежать к какой-нибудь церковно-политической юрисдикции и должны развить свою систему языковых

¹⁰ Idem, *Storia della letteratura russa antica*. Nuova Accademia Editrice, Milano 1959, 416, 17–19; idem, *Slave ecclesiastique, slavons et rédactions*, 1531. Church Slavonic, Yale Slavic National Languages Project, vol. I, 1–28 (в печати).

¹¹ Idem, *Storia della letteratura russa antica*, 13–19, 28 (La rinascita slava ortodossa, 137–229); idem, *La 'Istorija slavënobolgarskaja' sullo sfondo linguistico-culturale della Slavia ortodossa*. Ricerche Slavistiche VI (1958), 103–118; idem, *'Prerinascimento esteuropeo' e 'Rinascita slava ortodossa'*. (A proposito di una tesi di D.S. Lihačëv). Ricerche Slavistiche VI (1958), 185–199; idem, *O cerkiewnosłowiańskiej wspólnotie kulturalno-językowej*. Sprawozdania z posiedzeń komisji oddziału PAN w Krakowie, Lipiec-grudzień 1962, 449–454; idem, *Die historisch-philologische Bedeutung...*, 1–26; idem, *A proposito della Slavia ortodossa e della comunità linguistica slava ecclesiastica*, 105–127. Church Slavonic, 1–28.

»достоинств« и авторитетов, чтобы стать этнической общностью.¹² Поэтому термины »православное славянство« и »римокатолическое славянство« надо все же рассматривать только как термины »культурной географии« в самом широком смысле этих понятий. В Средневековье вообще культурные общности с религиозным фоном имеют большую ценность, чем народные.¹³ Это фундаментальное разделение славянского мира на две культурные общности, развивающиеся отдельно: одна в византийской культурной сфере, а другая в римо-латинской цивилизации, никогда, как ясно подчеркивает Р. Пиккио, не было окончательно закреплено, т.к. между православными и римокатолическими Славянами существовал известный переходный пояс культурных обоюдных влияний, скрещивающихся и переплетающихся вплоть до наших дней (Великая Моравия, Хорватия, Босния, Украина и Белоруссия). И даже больше того, именно благодаря общему знаменателю »Славия«, была возможность и значительно более близких связей и более легко проникающих обоюдных культурных влияний в Среднем веке между »римокатолическим славянством« и »православным славянством«, чем между греческими и латинскими религиозными зонами.¹⁴

Р. Пиккио посвятил почти все свое научное творчество изучению »православного славянства« (допуская для нее и другие названия в формальном терминологическом плане)¹⁵ как культурно-языковой общности восточных и южных славян, занимавших довольно большое географическое пространство восточной

¹² R. Picchio, *Questione della lingua...*, 10–12.

¹³ Idem, *A proposito della Slava ortodossa...*, 14.

¹⁴ Idem, *Models and Patterns...*, 465; id., *The Function of Biblical Thematic Clues... (manuscript)*; id., *Introduction à une étude comparée de la question de la langue chez les Slaves*, 161.

¹⁵ В качестве синонимов римокатолического славянства и православного славянства могли бы быть »Византийская Славия« и »Римская Славия«, но такие и подобные определения, по мнению Р. Пиккио, послужили бы поводом для больших недоразумений. (R. Picchio, *A proposito della Slava ortodossa...*, 14). Эта общая концепция Р. Пиккио о »православных славянах« является культурным выражением наднациональной церковнославянской языковой общности. Сегодня она универсально принята самыми большими авторитетами в славянской филологии. (Д. С. Лихачев. *Поэтика древнерусской литературы*, 2-ое изд., Ленинград 1971, 7; его же, *Древнеславянские литературы как система. Славянские литературы VI Международного съезда славистов. Доклады советской делегации*, Москва 1968, 5–48; И. С. Дуйчев, *Итальянская книга по истории древнерусской литературы. ТОДРЛ XVIII* (1962), 552–568; С. Backvis, *Quelques études sur l'histoire de la littérature en Russie. Revue belge de philologie et d'histoire XL* (1961), 3, 864–887; L. Moszyński, *Cyrylometodiana na V kongresie slawistów. Rocznik Slawistyczny XXIV, I* (1965), 153–154; H. Birnbaum, *Zur Sprache der Methodvita, Cyrillo-Methodiana. Zur Frügeschichte des Christentums bei den Slaven, Colonia-Graz* 1964, 329–361; idem, *On Medieval and Renaissance Slavic Writing, The Hague-Paris* 1974, 471, 14–40, 48. Эту концепцию Р. Пиккио приняли также и отдельные национальные филологи, долгое время стремившиеся расчлнить и поделить общее церковнославянское наследие, перенося все »достоинство« церковнославянского языка на »древнерусский«, »древнеболгарский« и »древнесербский«, вызывая при этом глубокие искажения исторической истины и множество литературно-языковых споров. (R. Picchio, *Questione della lingua...*, 11; idem, *Introduction à une étude comparée...*, 159–196.)

Европы и развивавшихся в период после церковной схизмы 1054 г. (приблизительно с XII в. до XVII–XVIII вв.), исключительно в сфере византийской цивилизации и культуры, идеологические, языковые и литературные образцы которой стали духовным наследием православных славян, *de facto*, сущность которого состоит из того, что оно придерживается принципов, управлявших важными аспектами человеческой деятельности в рамках культурной и языковой общности православного славянства, что можно было бы отождествить с передачей культурного наследия, т.е. с традицией. Однако, это совсем не означает, как подчеркивает итальянский славист, культурной изоляции православных славян от остальной Европы и Азии, ибо понятие Славия, по крайней мере в этническо-лингвистическом аспекте относится к более пространной общности, чем она являлась в греко-латинском мире.¹⁶

Анализируя важные идеологические надстройки «православного славянства», Р. Пиккио прежде всего останавливается на языке. Он уточняет понятие церковнославянского языка как наднационального, междуславянского, литературного, употреблявшегося на протяжении шести-семи столетий, которым пользовалась культурная общность, подчиненная славянской православной церковной юрисдикции, и противопоставляет церковнославянскому функциональное единство латинского языка «римокатолического славянства». Этот церковнославянский язык является непосредственным продолжением старославянского языка раннего периода славянского христианства, остававшегося и дальше приверженным вере и тесно связанным с надгосударственной и наднациональной традицией.¹⁷ Церковнославянский язык, по мнению Р. Пиккио, был бы своего рода собранием грамматических, стилистических, так и чисто формальных форм, которые не являлись ни местными, ни новыми. В то же время установлению единства нормы и функции церковнославянского языка осложнило проникновение местных и народных элементов в его структуру. В дальнейшем это послужило критерием для введения понятия «slavons» (по терминологии А. Вайана) в национальные филологии.¹⁸ Широкие границы норм старославянского языка, начиная с самого его возникновения, допускали проникновение местных, диалектных элементов и вариантов, так называемых редакций, которые не только не нарушали литературной нормы, но и более того, раз войдя в тексты, становились составной, неотделимой частью той же самой нормы, узуса. Дальнейшее употребление старославянского языка в функции церковнославянского на различных славянских территориях от XII до XVII вв. привело к установлению целого ряда местных норм (а не одной нормы, как это обычно до сих пор считалось)^{18a}, пропаганди-

¹⁶ R. Picchio, *Models and Patterns...*, 465.

¹⁷ R. Picchio, *A proposito della Slava ortodossa...*, 3–4. *Church Slavonic*, 1–10, 17–28.

¹⁸ *Id.*, *Slave ecclésiastique, slavons et rédactions, 1531–33*. Это отношение «slavons» и «rédactions» было уточнено еще Ваяном (1541–1542). *Church Slavonic*, 27–28.

^{18a} Н. И. Толстой особо подчеркивает широкую постановку и разработку проблем норм церковнославянского языка в статье Р. Пиккио *Slave ecclésiastique, slavons et rédactions* (Взгля-

руемых отдельными «центрами» и «эпицентрами» славянской письменности, а также созданных в результате чередования периодов нормативных тенденций местных школ в целях сохранения установленных языково-орфографических условностей (реставрация архаизмов) или в случаях перемещения культурных центров в определенные исторические моменты. Условия нормативных частностей, также как и факт частичного присутствия локальных внецерковнославянских народных инноваций — появления которых в большей или меньшей мере закрепились как составные части норм церковнославянского языка в зависимости от их способностей приспосабливаться именно к тем самым нормам — не могут характеризовать, а еще меньше составлять основную структуру церковнославянского языка, рассматриваемого в целом. Поэтому Р. Пиккио совершенно оправданно отбрасывает эти нормы филологического характера как критерий при установлении основных, общих характерных черт церковнославянской многовековой системы языка и вводит новое понятие «изонормы», которое как собирание общих линий совпадений в языковой области обеспечивает определение языковой принадлежности текста к церковнославянской языковой общности.¹⁹ Это не означает, что здесь речь идет о какой-то оппозиции автора национальным лингвистическим традициям и о предпочтении его изучать церковнославянские языковые элементы за счет элементов местных («slavons»), перемешанных друг с другом и создающих такой комплекс перекрестных влияний в культурном плане, что их уже невозможно больше изолировать. Как наглядно указывает на это автор, невозможно провести четкую демаркационную линию между двумя сферами выражения, между которыми действительно можно узнать признаки продолжительного симбиоза.²⁰ В этой гибкой, динамической и открытой для локальных инноваций церковнославянской системе постепенно развиваются типологические единицы, специфические языковые модели и эталоны, в результате чего создается *уровень языковой приемлемости*, для которой, как уже сказано, Р. Пиккио вводит понятие церковнославянской «изонормы». При этом, естественно, все диалектные элементы не были приняты и кодифицированы в церковнославянскую систему. Эластичность нормативных тенденций, отвечающая границам приемлемости (при установленной способности переноса текстологических материалов без

ды В. В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского языков. Исследования по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова. Изд. Московского университета 1974, 319–329). Труды самого Толстого представляют ценный вклад в разработку этой проблематики. (К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. ВЯ 1961, вып. 1, 52–66; его же, Вопросы славянского языкознания на IV Международном съезде славистов. ВЯ 1959, вып. 1; его же, Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода /вторая половина XVI–XVII в./. В сб. Славянское языкознание. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов, Москва 1963, 230–271; его же, Проблемы истории древнеславянского литературного языка на V Международном съезде славистов. ВЯ 1964, вып. 4, 155–161.)

¹⁹ R. Picchio, *Slave ecclésiastique, slavons et rédactions*. 1537, *Church Slavonic* 27–28.

²⁰ *Ibid.*, 1538.

их перевода), зафиксировала только те явления, которые были способны вместиться в эти нормы, стать их составными частями и перенестись в сферы церковнославянских языковых школ и центров, а иногда даже в зоны одного и того же «эпицентра». Этот постоянный динамизм, кодификация новых местных норм, приспособляющихся к традиционной системе, а также жизнеспособность основы системы, способной принять инновации в пределах своей нормативной приемлемости, не нарушая при этом своей традиционной структуры, создавали идеальное языковое равновесие и обуславливали гармоническое функционирование церковнославянского языка, как культурного литературного и языкового строя на протяжении шести-семи веков на огромной территории православных славян.

В плане языка «изонормы» и «slavons» смешивались и даже отождествлялись, функционируя и дальше в двух плоскостях — панцерковнославянской и местной — обуславливая создание группирования текстов в широких филологических и литературных рамках. Это видение смешанных традиций церковнославянских и локально-народных, находящихся на разных языковых уровнях, профессор Пиккио изображает графически: «изонормы», сохранившиеся еще из старославянской эпохи, вместе с поздними группами, обуславливающими определение церковнославянской общности, синхронно или диахронно, создают горизонтальные проекции, в то время как «slavons» т.е. местные элементы, при адаптации своих различий в орфографической, грамматической и стилистической системах, включаются в церковнославянский язык на проектированных вертикальных уровнях «изонорм», представляющих местную «приемлемость» форм в болгарской, сербской и русской зонах. Разнообразные стилистические выборы языковых средств выражения, иногда основанных на общих панславянско-православных традициях, а иногда и на местных, могут быть определены как разнообразные «стили». Описание «литературного языка» отдельных зон «православного славянства» представляет собой описание стилистических традиций.²¹

Профессор Пиккио убедительно защитил не только понятие церковнославянского языка, объединяющего широкий комплекс норм и представляющего больше чем язык, являющегося выражением лингвистической общности,²² но и теоретически очень успешно разработал методы его исследования, что и дало возможность определить его дефиницию и установить основные, жизнеспособные принципы функционирования его языковой и культурной системы, постоянно обновляющейся в течение семи веков. «До тех пор, пока 'изонормы' преобладали в наднациональной церковнославянской системе и общность литературного языка сохранялась во всяком случае в области выражения, ограниченного 'пределами приемлемости', все то, что осталось за этими пределами развило постепенно автономные системы, создавшие центробежные силы в рамках господствующей общей церковнославянской системы. Окончательный 'распад' церковнославянской общности обусловил утверждение новых авторитетов, т.е. 'победу' национальных

²¹ Ibid., 1543.

²² R. Picchio, *A proposito della Slavia ortodossa...*, 21. Church Slavonic 17–28.

славянских языков и литератур после очень продолжительного симбиоза... Поэтому совершенно понятно совпадение 'национальных' и 'общеправославно-славянских' эталонов на известных ступенях языкового и литературного развития.²³

Установление существования православно-славянской языковой общности, основанной на церковнославянском языке, дало возможность Р. Пиккио сразу же, в своих ранних трудах, понять ясно литературное единство средневековой православной Славии, где народы были взаимозависимы и связаны друг с другом принадлежностью к общей цивилизационно-культурной церковной организации. Оба этих момента обусловили беспрепятственную циркуляцию текстов, т.е. перемещение их из одной православной области в другую. «Критерий, который представляет языковая область вместе с изучением 'изонорм', соответствует известной переместимости текстов в филологическом плане из одной области в другую, т.е. восприятия его в другой зоне без необходимости перевода.»²⁴ Поэтому особое значение приобретает изучение так называемых мигрирующих текстов, какими являются произведения черноризца Храбра, распространение южнославянских произведений на Руси в начале ее христианской жизни, текстологический русско-славянско-балканский осмос (ср. у Доментиана в «Биографии св. Саввы», где находятся заимствованные места из известного «Слова» Иллариона Киевского), а также факта принятия южнославянских «беженцев» — ревизоров в сердце русских земель и обновление нормативных критериев славяно-балканского происхождения в Московском государстве XV в. А в периоды политического и церковного могущества России мы видим перемещение текстов из России на Балканы, например, сербы в Воеводине, получившие книги из России и принявшие современную для того времени кодификацию русского церковнославянского языка после своего переселения в 1690 г. в Габсбургскую монархию или еще позднее, феномен копирования целых неизменных отрывков из русского текста в «Введении повести Пайсия Хиландарского» в 1762 г.²⁵ Все это свидетельствует об одной общей литературе православных славян, о великой жизнеспособности церковнославянской традиции. Вот как Р. Пиккио видит культурно-духовную реальность православной языковой общности, которая находилась еще далеко от идеи национальных литератур: «Общность славянской православной культуры всего Средневековья не базируется на государственных или национальных принципах. Первое Болгарское царство (IX—X вв.), Киевская Русь (XI—XIII вв.), Второе Болгарское царство (XIII—XIV вв.), Сербская независимость (XII—XIV вв.),

²³ Id., *Models and Patterns...*, 464; id., *Lo Slavobulgaro di Paisij. Ricerche Slavistiche XIV* (1966), 77–112; id., *Toward the Definition of Slavo-Bulgarian. Ricerche Slavistiche XVI* (1970), 283–287; id., *Slave ecclésiastique, slavons et rédactions, 1527–1544. Church Slavonic* 17–28.

²⁴ Id., *A proposito della Slavia ortodossa...*, 21–22; id., *Slave ecclésiastique, slavons et rédactions, 1537. Church Slavonic* 28.

²⁵ Id., *Gli Annali del Baronio-Skarga e la Storia di Paisij Hilandarskij. Ricerche Slavistiche III* (1954), 211–233; id., *La 'Istorija Slavënobolgarskaja' sullo sfondo linguistico e culturale della Slavia ortodossa, 103–118*; id., *Die historisch-philologische Bedeutung...*, 15.

княжества Московское, Тверское, Новгородское, Псковское, Рязанское в последний период татарского ига (XV в.) и, наконец, Москва (XVI–XVII вв.) представляют собой различные политические секторы общности, объединенной верой и тем же самым религиозным языком... Стабилизируются культурные течения от Сербии до Болгарии, от Болгарии до Сербии и до Киева, Новгорода и Москвы. Речь идет в этих случаях не о «вливаниях» одной литературы на другую, а о различных фазах единого эволюционного процесса.²⁶ Между тем, как это подчеркивает автор, такие нормативные течения, восходящие к различным «эпицентрам» распространяются только в определенных окружениях, не переходя через установленные границы, так что другие области и другие центры, которые и дальше продолжали непрерывное писание книжных текстов в рамках общей церковнославянской традиции, остаются в стороне от подлинных, нормативных, «централистических» тенденций отдельных эпицентров (например, Тырновская и Ресавская школы, а также явление распространения церковнославянских норм Евфимиевской школы в центре Московского государства и др.). Но при изучении церковнославянской литературы в целом и эти литературные тексты должны были бы быть учтены.²⁷ Понятие общецерковнославянской литературы на протяжении многих веков создавалось не только лишь на основе литературно-культурных чередующихся и несомненно нормативных течений и в определенных окружениях православной Славии (это было бы недостаточно и являлось бы лишь косвенным доказательством общей основы литературы, обуславливающей осмос литературных текстов), но и на присутствии постоянных связей с понятиями, выраженными схемами и политико-моральными нормами всего славянского православного христианства, основанных еще на кирилломефодиевской традиции.²⁸

Еще с 1958 г. Р. Пиккио, ставя проблему изучения славянских средневековых литератур на широкий фундамент, интенсивно участвуя во всех дискуссиях и полемиках, касающихся основных, культурно-литературных явлений как православной Славии, а так и специфических подходов их исследования,²⁹ включая

²⁶ Id., *Storia della letteratura russa antica*, 143–144; id., *A proposito della Slavia ortodossa...*, 19.

²⁷ Р. Пиккио в основных чертах принимает выдвинутые Толстым три важных характерных периода церковнославянской литературы с различными эпицентрами (К вопросу о древнеславянском языке... – ВЯ 1961, вып. 1, 66), при этом он указывает, что опасно исключать из общей церковнославянской литературы все те тексты, неподвергнутые кодификацией, согласно унифицирующим нормам «эпицентров». (*A proposito della Slavia ortodossa...*, 20–21.)

²⁸ R. Picchio, *Models and Patterns...*, 442–443. *Church Slavonic*, 19–22.

²⁹ Id., *La 'Istorija Slavënbolgarskaja' sullo sfondo linguistico e culturale della Slavia ortodossa*; id., «Prerinscamento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa»; id., *Compilazione e trama narrativa nelle Vite di Costantino e Metodio, Ricerche Slavistiche VIII (1961)*, 1–27; id., *Quelques observations à propos du rapport de P. Dinekov sur «Le mouvement des idées de la littérature bulgare pendant la seconde moitié du XVIIIe siècle, Le mouvement des idées dans les pays slaves pendant la seconde moitié du XVIIIe siècle. Sansoni, Firenze 1962, 193–196*; id., *Lo Slavobulgaro di Paisij*;

при этом все положительные результаты, достигнутые до современного момента в отдельных изысканиях в этой области, с целью того, чтобы достичь синтетическое, единое суждение в оценке и интерпретации славянского культурного наследия, сумел добиться того, что его тезисы по изучению церковнославянской литературы, его методологические предпосылки и даже его терминология были целиком приняты самыми крупнейшими авторитетами в этой области.³⁰

Итальянский славист высоко оценил новый подход выдающегося русского ученого Лихачева к изучению наднациональной перспективы исследования так называемого Второго южнославянского влияния, считая это значительным вкладом в многоплановое изучение этого важного культурного явления, которое не только принадлежало славяно-балканской и русской культурам, но и к более широкому движению, охватывавшему Византию, Болгарию, Сербию и Россию, а частично также и Малую Азию, и которое русский ученый назвал «Восточно-европейским Предвозрождением».³¹ В то же время Р. Пиккио создает свое историко-культурное видение древнерусской литературы в кругу православной Славии, важнейшим средством выражения которой был церковнославянский язык, характеризуя его как «новый стиль», проявляющийся в русской литературе XV в. в качестве «Православного Славянского Возрождения», движения, которому предназначено распространиться из царства Палеолога до Латинского Запада

id., *On Russian Humanism: the Philological Revival*; id., *Early Humanistic Trends in the Trnovo School*. Также и в ряде рецензий он касается актуальных проблем изучения славянских средневековых литератур. Рецензии на работы: Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева, *Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла*. *Ricerche Slavistiche XV* (1967), 306–307; A. Vailiant, *La Zadonščina, épopée russe du XV siècle*. *Ricerche Slavistiche XV* (1967), 307–308; В.В. Виноградов, *Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития*. *Ricerche Slavistiche XV* (1967), 308–310; Д.С. Лихачев, *Слово о полку Игореве*. *Ricerche Slavistiche XV*, 304–305. К.М. Куев, *Черноризец Храбр*. *Ricerche Slavistiche XV*, 304–305; G. Hüttl-Worth, *Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert*. *Ricerche Slavistiche V* (1957), 249–254; A. Tamborra, *Panslavismo e solidarietà slava*. *Ricerche Slavistiche II* (1953), 201–203; A. M. Ammann S.J., *Untersuchungen zur Geschichte der kirchlichen Kultur und des religiösen Lebens bei den Ostslaven*. *Ricerche Slavistiche V* (1957), 249–254; В.В. Виноградов, *Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы*. *Ricerche Slavistiche V* (1957), 257–261; A. Stender-Petersen, *Geschichte der russischen Literatur*. *Ricerche Slavistiche VII* (1959), 185–193; F. Wolmann, *Slovanství v jazykově literárním obrození u Slovanů*. *Ricerche Slavistiche VII* (1959), 194–200. Ряд других рецензий касается многочисленных произведений болгарской и сербской средневековой литературы.

³⁰ Наряду с учеными вышеупомянутыми в примечании 15 Э. Герцигоня принимает тезисы и предположения Р. Пиккио, как и его методологический подход, особенно в главе о стилистике древнехорватской литературы. (Eduard Hercigonja, *Srednjovjekovna književnost, u seriji: Povijest hrvatske književnosti u pet knjiga*, knj. 2. Liber-Mladost, Zagreb 1975, 484, 140–193.)

³¹ Д.С. Лихачев, *Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. Исследования по славянской литературе и фольклористике. Доклады советских ученых на IV международном съезде славистов, Москва 1958–1960*, 95–151.

и конкретизироваться в гуманистической филологии.³² В отличие от традиционного метода исследования национальных филологий, который сводил все культурное движение так называемого Второго южнославянского влияния к взаимным русско-славянско-балканским влияниям,³³ итальянский славист с самого начала исходит из других методологических предпосылок и стремится объяснить это важное культурное явление с общей платформы Западной Европы. Рассматривая так называемое влияние южнославянской школы на русскую литературу XV в., как прогрессивную эволюцию супернационального движения, первым эпицентром которого была школа Евфимия, из которой течение распространилось дальше на Сербию, а затем и на русские земли, автор заявляет: «Второе южнославянское влияние не должно рассматриваться как простое перенесение идеалов и стилистических приемов из Болгарии и Сербии в русские земли, а скорее как общее созревание церковнославянской литературы, осуществленное в русском окружении... Трудно сказать, в какой мере новые произведения заимствовали от болгарских идеалов и в какой мере от русских. Южнославянские беженцы конца XV в. применяют свои теории в трактатах на местные русские темы и из этого влияния возникает литературное течение, в которое русские авторы вносят самый существенный вклад.»³⁴ Отбрасывая мысль об имитации чужих и «ввезенных мотивах» (т.к. «по нашему рассуждению между русской и южнославянской культурами не существует в той эпохе настоящих границ»),³⁵ и намечая различные течения между отдельными славянскими православными центрами, Р. Пиккио выделяет лингвистическо-культурный комплекс, при соприкосновении с которым южно- и восточно-славянские тексты вливаются в единую литературу.³⁶ Кульминационный пункт движения, в котором формируется так называемое Второе

³² R. Picchio, *Storia della letteratura russa antica*, 137–229, 142–157; id., «Prerinscimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa», 185–199; id., *Die historisch-philologische Bedeutung...*, 20–23; id., *A proposito della Slavia ortodossa...*, 1–2, 15–19. К этому можно добавить и несколько замечаний Р. Пиккио о тезисе Д. С. Лихачева, опубликованном в *Ricerche Slavistiche VI* (1958), 185–190. Д. С. Лихачев ответил на эти замечания в *ТОДРЛ* (XVII–1961, 675–678).

³³ М. Н. Сперанский, *Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV–XV вв. (Из истории русско-славянских связей)*, Москва 1960; А. И. Соболевский, *Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках (Переводная литература московской Руси XIV–XV веков)*, СОРЯС, т. 74, СПб. 1903, №1; Боноу Сп. Ангелов, *Из историята на русското культурно влияние в България XV–XVIII в. Известия на Институт за българска история*, VI (1956), 291–327; V. Mošin, *O periodizaciji rusko-južnoslavenskih književnih veza. Slovo* 11–12, Zagreb 1962, 13–130.

³⁴ R. Picchio, *Storia della letteratura russa antica*, 144; id., «Prerinscimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa», 197–199. Автор специально здесь указывает на реставрацию славянского православного христианства в московском государстве во время правления Василия Васильевича и Ивана III, когда «новый стиль» стал преобладать в литературе во главе с Епифанием Премудрым.

³⁵ R. Picchio, «Prerinscimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa», 193–194.

³⁶ Ibid.

южнославянское влияние, связан с новой культурной функцией Московского княжества, где уже появлялись первые признаки общего стремления к превосходству и гегемонии Москвы. В этот период от XIV до XVI вв. в русских землях происходит расцвет и обновление церковнославянской литературы в подражание движению обновления (*renovatio studiorum*), наступившем во время Палеолога в среде греческого неоплатонизма во всей византийской общности и в духе исихастской традиции, которой удалось зародить гуманистическое движение в Италии, а также провести подобную параллель в ревизии текстов («исправление книг») в Московском государстве около 1400 г.³⁷ «Миграция культуры» из Византии в культурные центры Италии в середине XIV в. сыграла ту же самую роль, какую сыграли ревизоры из балканских стран в развитие литературы Московского княжества в начале XV в. Итальянский ученый Р. Пиккио, желая достичь стабилизации культурно-исторических критериев в перспективе европейского христианства, разрабатывает дальше свой исходный пункт, подводя аналогичные тенденции западно-гуманистической филологии как и тенденции славянского православного Возрождения к общему идеологическому знаменателю — к «греческому влиянию», к непрерывному питанию обеих культурных зон духовными «зародышами» византийской семьи, особенно в период XIV–XVI вв., когда эти зоны находились под тем же ранним гуманистическо-филологическим влиянием. Это был период «критики текстов» и «исправления книг» и в западно-латинской, и в восточно-славянской зонах, чтобы утвердить правильное риторическое чтение и текстологическую экзегезу наряду с соответствующим употреблением языковых средств выражения. Так гуманистическому ораторскому искусству противопоставлялась специальная риторическая техника «плетение словес».³⁸ В гуманизме также наблюдалось тождественное стремление обновить классическую латынь, в то же время ученые-словесники, риторики, филологи православной Славии стремились к единой идеальной реконструкции языковой нормы церковнославян-

³⁷ R. Picchio, A proposito della Slavia ortodossa..., 6–7; id., Storia della letteratura russa antica, 148; id., «Prerinscimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa», 190; id., On Russian Humanism: The Philological Revival, 161–171; id., Early Humanistic Trends in the Trnovo School, 1–9.

³⁸ Id., L'«intreccio delle parole» e gli stili letterari preso gli Slavi ortodossi nel tardo Medio evo. Studi slavistici in ricordo di Carlo Vardiani. A cura di A.M. Raffo, Giardini Editori, Pisa 1979, 245–262. Здесь заслуживает особого внимания исправленная интерпретация выражения «плетение глаголь». Согласно греческому риторическому термину *πλέκω... λόγους*, или *πλέγμα* и *πλοκή* и т.д., на который ссылается Р. Пиккио (т.к. Епифаний говорит об Афинах, о Платоне и греческой риторике) — эквивалент «плетения» имеет фактически отрицательное значение: *πλοκάς πλέκω* в значении плести обманную сплетню. Следовательно, переплетение слов («плетение словес» или «глаголь»), которое Епифаний упоминает в своем Введении в «Житие св. Стефана епископа пермского» не должно означать формальный метод, который биограф Жития заимствовал в своем писании. Применение приема «плетение словес» на самом деле является опасным, как это объясняет Р. Пиккио на основе греческого выражения, и его надо избегать как самую грубую литературную ошибку, а которую Епифаний старается не допустить (258–259).

ского койнè (основанного на кирилло-мефодиевской традиции) от Тырнова до Москвы. Общая культурная типология нашла свое отражение как в Западной, так и в Восточной Европе в радикальных переменах во всех сферах интеллектуальной жизни, в течениях политической, религиозной, литературной мысли, в новой литературной миссии, внесенной византийской диасфорой в период XIV–XV вв.³⁹ Новый «филологический метод» был принят с прибытием Киприана, Пахомия и далее развивался вплоть до Максима Грека, потому что в целом русская литература XIV в. не очень сильно отличалась от южнославянской, или, как это еще яснее определяет профессор Пиккио: «Южнославянские писатели, которые находят убежище в России, не являются никакими иностранцами, они лишь переселяются в другую часть своей общей духовной и языковой родины. В этом я вижу зарождение светского мировоззрения, которое и в последующих эпохах обуславливает дальнейшее укрепление культурных и плодотворных связей между Россией, Болгарией и Сербией.»⁴⁰

Изучение *основных принципов критики текста* представляет один из центральных вопросов в изучении церковнославянской литературы среди комплекса зависимых и иерархически подчиненных проблем. Пересмотр общих методологических подходов, которые известный итальянский славист использует в ряде своих трудов⁴¹ в отношении анализа средневековых славянских текстов, необходим и существенен для правильного понимания и толкования церковнославянской литературы в целом. Его критические наблюдения, а также грамматические предложения в целях классификации литературных феноменов и экзегезы в определенном культурно-историческом адекватном контексте заслуживают самого большого внимания. Каждый желающий серьезно заниматься проблемами средневековых славянских литератур не должен игнорировать основные текстологические проблемы церковнославянской традиции.

Известно, что большинство памятников славянского Средневековья не датировано. Это, а особенно *фрагментарная и запутанная текстологическая традиция* осложняют их изучение и установление времени их возникновения. Данный исторический феномен обусловлен специфическим развитием средневековой литературы у православных славян. Значительная часть произведений не только постоянно исправлялась, но и приспособливалась к новому риторическому употреблению и перерабатывалась в зависимости от новых концептуальных потреб-

³⁹ R. Picchio, On Russian Humanism: The Philological Revival, 161–171; id., Early Humanistic Trends in the Trnovo School, 1–9.

⁴⁰ Id., Die historisch-philologische Bedeutung..., 21.

⁴¹ Id., In merito alla tradizione testuale russa antica, 415–432; id., Le canzoni epiche russe e la tradizione letteraria, 467–480; id., On the textual criticism of Xrabr's Treatise, 139–147; id., Questione della lingua e Slavia Cirillometodiana, 1–120, 15–17, 73; id., Models and Patterns..., 453–457; id., Roman Jakobson on Russian Epics and Old Russian Literature (manuscript); id., The Function of Biblical Thematic Clues... (1–31). Chapter 13 of Vita Constantini: its Text and Contextual Function (manuscript); Compilation and Composition: Two Levels of Authorship in the Orthodox Slavic Tradition (manuscript).

ностей, затем снова переделывалась и т.д. Подвергаясь обоюдному влиянию, — один памятник заимствовал от другого целые отрывки текста —, затем все объединялось в сборники, которые сообща переписывались и изменялись, что давало взаимообобщающие связи в истории текстов литературы большей части средневековых славянских памятников.⁴² Запутанные текстологические ситуации издавна константированы историками летописей и хронографов древнерусской литературы, которые стремились подводить под одну общую схему эти тексты.⁴³ Д.С. Лихачев в своем большом и ценном исследовании «Текстология» останавливается на проблеме отсутствия традиции подлинной передачи славянского средневекового текстологического богатства, к которому поэтому не могли бы быть применены понятия и требования критики текста классической филологии. Представляя богатые материалы для дальнейшего изучения данной проблемы, знаменитый текстолог и большой знаток древнерусской литературы настаивает на том, чтобы изучать не только литературный период жизни каждого отдельного памятника («авторский»), но и весь период, который следует за ним («история текста»). «Главная цель текстолога, — по словам Д.С. Лихачева, — должна заключаться в установлении истории текста произведения,» и далее по его мнению: «Реальная история текстов — история, понимаемая как история людей, создавших этот текст, а не как имманентное движение списков в их разночтениях...»⁴⁴

По мнению итальянского слависта, техника передачи текстов, когда переписчик очень часто играл роль не только цензора и стилистического корректора, но и «повторного» писателя, не дает литературному критику возможности точно установить начало текстологической традиции на основе языковых исследований. Ибо традиция не увековечивает подлинное «наследство текстов», а только эволюцию композиционных моделей: последовательность разночтений или рецензий, из которых каждая создает новый текст. Чем больше у нас разночтений, тем большим количеством различных текстов мы располагаем.⁴⁵ Показав конкретно компилятивный характер некоторых глав в «Житиях Константина и Мефодия»,⁴⁶

⁴² Id., *In merito alla tradizione testuale russa antica*, 430–431.

⁴³ Д.С. Лихачев, *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, Москва–Ленинград 1947, фундаментальная монография для ознакомления с историей летописей и проблем, связанных с этим типом текстов (с «открытой традицией»). Для ознакомления с типологической структурой средневековой славянской литературы см. также: Д.С. Лихачев, *Древнеславянская литература как система*. Славянские литературы VI Международного съезда славистов. Доклады советской делегации, Москва 1968, 5–48; его же, *Человек в литературе древней Руси*, 2-е издание, Москва 1970.

⁴⁴ Д.С. Лихачев, *Текстология на материале русской литературы X–XVII вв.* Изд. АН СССР, Москва–Ленинград 1962, 605, 114–134; 51; R. Picchio, *Models and Patterns...*, 453–455.

⁴⁵ R. Picchio, *Models and Patterns...*, 456; id., *On the Textual Criticism of Xrabr's Treatise*, 140. Chapter 13 of *Vita Constantini: its Text and Contextual Function* (manuscript).

⁴⁶ Id., *Compilazione e trama narrativa nelle Vite di Costantino e Metodio*, 61–95; id., *Questione della lingua...*, 67–86. Chapter 13 of *Vita Constantini: its Text and Contextual Function* (manuscript).

как и несомненные ошибки и «темные места», появившиеся в результате позднейших вмешательств в текст трактата «О писменех» черноризца Храбра, многократно цитируемых крупнейшими авторитетами по сегодняшний день,⁴⁷ профессор Пиккио логично, последовательно и очень убедительно иллюстрирует, что именно на этих источниках невозможно установить их точной хронологии. Исследования текста трактата, проводимые до сих пор, не позволяют установить, идет ли речь о писателе Хв. или о славяно-греческом варианте, с основными полемическими концептами спора о славянском языке. Славяно-греческий вариант, вероятнее всего, отражает языковые условия позднейшей эпохи, чем кирилломефодиевская эпоха. В пользу этого говорит и факт, что все сохранившиеся рукописи трактата позднее XIV в., за исключением самой старой рукописи 1348 г. (нечто подобное можно было бы констатировать и в отношении «Житий»)⁴⁸ Принимая во внимание и многочисленные произведения древнерусской литературы, сохранившиеся только в гораздо более поздних списках (например, «Поучение Владимира Мономаха», очень большое число анонимных памятников, как «Слово о полку Игореве» и др.), итальянский филолог не только восстанавливает при помощи скрупулезного анализа эту характерную ситуацию непрерывной переработки предшествующих текстов, такой типичной для славянской средневековой традиции, но и выдвигает новые перспективы для подходящего текстологического анализа подобных «коллективных» текстов. Огромное количество рукописных документов обширного корпуса славянских текстов не знают ни *традиции автора*, ни *традиции авторитета*, но как «переходные структуры» многочисленных исправителей и компиляторов не имеют никаких определенных доказательств, чтобы сделать более точные выводы о текстологическом материале, о его времени написания, а еще меньше дают возможность, чтобы реконструировать «автограф» или оригинал «Urtext».⁴⁹ Приводя аргументированные доводы, Р. Пиккио совершенно

⁴⁷ Р. Пиккио показывает, как известный абзац о том, что «примитивные славяне писали знаками и зарубками» появился на самом деле в течение текстологической эволюции (УРЪТАМИ И РЪЗЪАМИ УЪТЪХЪ И ГАТАДЪХЪ) как стилистическая фигура в рамках привычной и широко принятой техники «шплетения словес», о чем недвусмысленно говорят болгарский и марчанский тексты. (On the Textual Criticism of Xrabr's Treatise, 143–146, 145–146; *Questione della lingua...* 96, № 2. Интересным также является исправление профессора Пиккио заключительных слов Храбра, дающее совершенно новое толкование трактата: СЪТЪ ЖЕ И НИИ ОТЪВЪТЫ, РАЖЕ ИНЪДЕ РЕЧЕМЪ, А НЫНЪ НЪСТЪ ВРЪМЪ. (имеются также другие ответы скажем где-нибудь в другом месте, но теперь не наступило еще время). Выражение НЪСТЪ ВРЪМЪ (греч. *ἀεν καιρόν*) до сих пор истолковывалось как «нет времени», профессор Пиккио переводит: «неподходящий, неудобный момент», «неуместно», «не относится сюда», для чего он находит подтверждение этого и в подобном предложении с тем же самым выражением в Сказании о Борисе и Глебе: ПРОУДАЖЕ ЕГО ДОБРОДЕТЕЛИ ИНДЕ СЪКАЖЕМЪ, НЫНЪ ЖЕ НЪСТЪ ВРЪМЪ. Сборник XII века Московского Успенского Собора, вып. I (Photom, Nachdruck, 1957, 12).

⁴⁸ R. Picchio, *Questione della lingua...*, 61–65; 84–105. Chapter 13 of *Vita Constantini: its Text and Contextual Function* (manuscript).

⁴⁹ *Ibid.*, 11–20. Chapter 13 of *Vita Constantini: its Text and Contextual Function* (manuscript).

правильно критикует произвольный критерий «лучшего текста» и еще более дискриминацию на «хорошие» или «плохие» тексты. Этим традиционным методам, все еще широко применяемым в славянской филологии, профессор Пиккио на современной стадии исследования противопоставляет как основную задачу — *сличение всех сохранившихся рукописей для утверждения установления общего текстологического наследия*. С точки зрения лингвистической и структурной, сам характер славянских текстов из-за отсутствия единого автора и текстологической традиции не допускает а priori преимущества одного текста в отношении другого в сохранении форм оригинала. Поэтому то, что мы можем считать традиционным «текстом», возможно мы не найдем ни в одном отдельном документе, т.к. это есть результат переписи и сличения всех имеющихся в распоряжении документов. Проблема датировки включает в себя хронологическое определение всех сохранившихся рукописных списков данного произведения. Критическое отношение к чтению состоит в получении точных сведений, считая точными и определенными только те, которые каким-то образом можно доказать. Оставляя в стороне неопределенные хронологические данные, все то, что в широком плане нуждается в обосновании и чего точно нельзя ни определить, ни фиксировать, как далее подчеркивает автор, надо при этом всегда считаться с возможностью включения различных текстологических материалов в общую структуру текста и учитывать то, что их генетическая индивидуальность не меняется.⁵⁰ По мнению профессора Пиккио исключительно важно при оценке отдельных текстов (особенно для достижения большей их достоверности как исторических источников) не перепутать «вертикальные развития», относящиеся к происхождению известных материальных, текстологических, существенных данных с «горизонтальной функцией» контекстуальностей, соответствующих разным хронологическим уровням.⁵¹

Суммируя имеющийся в распоряжении текстологический материал группы рукописей тождественной по содержанию к первоисточнику, итальянский славист заявляет: «Орфографическая, фонетическая и морфологическая разница отдельных разночтений не допускает предположить реальные 'архетипы' иначе, чем в пределах групп рукописей того же самого происхождения (болгарского, русского, сербского и т.д.), но кроме формальных разночтений, структурные и лексические совпадения могут допустить общий текстологический первоисточник. Изучение разночтений, учитывая при этом отличие формальных разночтений от тех, которые относятся к существенной структуре текста, должно было бы привести к реальному 'сводному' тексту без интерполяций и глосс: проблема хронологического определения возможного 'Urtexta' и соответственно этому оценка исторической достоверности нашего текстологического материала, установленного на основе

⁵⁰ R. Picchio, On the Textual Criticism of Xrabr's Treatise, 141–142. Chapter 13 of Vita Constantini: its Text and Contextual Function (manuscript).

⁵¹ Id., *Questione della lingua...*, 16.

его отношения к общим текстологическим источникам, стала бы более конкретной.»⁵²

Исследование всеобщей проблемы о языке славян с IX в. вплоть до сегодняшнего дня представляет отдельную главу в огромном труде профессора Пиккио.⁵³ Итальянский славист создал синтез проблемы языка и культуры, рассматриваемой прежде всего с точки зрения идеологической истории, изображенной в свете политических и церковных полемик, риторических и философских доктрин и общественных движений в отношении к внешней истории славянских языков. Принимая за исходную предпосылку в исследованиях средневековых гуманистических дискуссий о лингвистических славянских нормах греческий идеологический первоисточник общий для Италии и Западной Европы, а также и для славянской зоны византийского влияния, итальянский славист применяет и специфическую терминологию, разработанную в итальянской историографии, в пределах известного «вопроса о языке» (*Questione della lingua*), который разрешался в Италии и на Западе с XIV до XVI вв. Основные аспекты той же самой проблемы уже обсуждались в классической и библейской древности, также как и христианскими авторами, но впервые систематически были представлены в «вопросе о языке» в период Гуманизма, когда были созданы типологические инварианты: достоинство языка (пригодность одного языка исполнять религиозную, социальную или литературную функцию) и языковая норма (техническая организация церковного официального языка), владеющие большим сектором западной цивилизации.⁵⁴ Проблема, которую ставил перед собой профессор Пиккио, заключалась в определении степени наличия этих концептуальных инвариантов, которые могли влиять на формирование языковых стандартов среди славян в IX в. с эпохи принятия христианства в византийской и римской сферах вплоть до нового времени.

Первый спор о языке славян относится ко времени деятельности Кирилла и Мефодия и продолжался дальше (включая весь кирилломефодиевский период). Он касался вопросов достоинства славянского языка для употребления его в качестве официального языка христианства, как одного из «священных языков»,

⁵² Id., *On the Textual Criticism of Xrabr's Treatise*, 141; id., *Models and Patterns...*, 456. Chapter 13 of *Vita Constantini: its Text and Contextual Function* (manuscript).

⁵³ Id., *Questione della lingua e Slavia Cirillometodiana*, 1–120; id., *Introduction à une étude comparée de la question de la langue chez les Slaves*, 159–196; *Латино-романское наследие и развитие литературных славянских наций (XVIII–XIX вв.)*, 361–369; *Renaissance Drama and the Formation of Modern Slavic Literary Systems* (готовится к печати в Материалах Конференции, посвященной театру периода Ренессанса, состоявшейся в Нью Йорке в ноябре 1978 г.); *Principles of Comparative Slavic-Romance Literary History*, 630–643.

⁵⁴ Id., *Introduction à une étude comparée de la question de la langue chez les Slaves*, 159–160; id., *Questione della lingua...*, 1–120; *Principles of Comparative Slavic-Romance Literary History*, 630–643. *Латино-романское наследие и развитие литературных систем славянских наций (XVIII–XIX вв.)*, 361–369; *Renaissance Drama and the Formation of Modern Slavic Literary Systems* (manuscript).

авторитет которых уже давно был установлен и признан, т.е. как это было с еврейским, греческим и латинским языками. Славяно-римский языковый спор нашел свое отражение в текстах »Жития Константина«, »Моравской службы«, »Моравской легенды« и других старославянских и латинских памятниках. В своем скрупулезном анализе XVI главы »Жития Константина«, как и всего этого произведения, итальянский специалист указывает на то, что »Житие Константина« не только принадлежит к славянским источникам с так называемой открытой редакцией, для которой характерны позднейшее вмешательство и компиляции, но и является самым важным и поныне доказательством того, что Константин отверг »трехязычную ересь« и осудил принцип трех священных языков (Житие Константина), что отражало позднюю стадию полемики между *Nationes* и *Confessiones* в западном и восточном христианстве. В пользу этого говорит тот факт, что »трехязычная ересь« не была теорией, признанной Святым престолом, и даже больше того, Константин должен был уважать папу Адриана II, который принял его в Риме и прославил как святого Кирилла. Однако, не следует игнорировать и того аргумента, который говорит против осуждения Константином »трехязычников«, это — апостольская доктрина (I Послание к коринфянам XIV), которая абсолютно не поддерживает тезиса о возможности употребления славянского языка. Апостол Павел считал »дар пророчества« наиболее важным средством активного творческого участия в харизматической литургии, но не пренебрегал »даром языков«, к которому также относился как к дару Святого Духа, как мощному средству распространения евангельской науки и проповеди. Совершенно очевидно, что только в этом смысле Константин мог понять текст I Послания к коринфянам и только в этом смысле цитировал его в качестве явного доказательства того, что апостол Павел рекомендовал широко познавать языки ради их разумного употребления в апостольском, а не в литургическом общении с народами. Поэтому осуждение »трехязычия«, которое было очень популярным и жизнеспособным мотивом, глубоко проникшим в славянскую православную традицию, и которое скорее всего было связано с риторикой и эрудицией этой традиции, нельзя связывать с какой-то определенной языковой политикой восточного и западного христианства, как это убедительно заключает Р. Пиккио в своем всестороннем и исчерпывающем анализе »трехязычия«.⁵⁵

После IX в. »вопрос о языке« в области римокатолической Славии больше не поднимался, потому что вся культурно-языковая политика развивалась по латинским образцам. В византийской Славии вопрос достоинства церковнославянского языка постоянно проверялся из-за боязни неправильных переводов священных текстов с их экзегетической литературой, чтобы не искажился истинный смысл Божества. Славяно-греческий вариант спора о славянском языке представлен в трактате »О писменех« черноризца Храбра, как продолжение традиционной полемики внутри славяно-греко-балканской зоны во время Первого Болгарского царства, после миссии Кирилла и Мефодия. В трактате появляется, как и в Жити-

⁵⁵ *Questione della lingua...*, 67–86.

ях, «славянский тезис продолжения апостольства», в котором изложение идет в виде цитат из основного чтения св. Павла. В то же время, как это подчеркивает Р. Пиккио, в трактате провозглашается слава св. Константина, посланного от Бога выкупить славян при помощи дара слова (письма — *scriptura*), использования техники писания и алфавита. Все апологетическо-полемическое рассуждение черно-рица Храбра профессор Пиккио разделил на десять пунктов, соответствующих одному логическому ряду. При этом он отбрасывает всевозможные гипотезы, а также и другие заключения кроме тех, которые вытекают непосредственно из самой документации текста.⁵⁶ На основании ранее упомянутых «темных» мест и явных редакционных поправок, трактат Храбра мог бы рассматриваться, по мнению итальянского ученого, как результат «открытой традиции», вызвавшей неясную структуру памфлета, допускающую неточные хронологические заключения.⁵⁷

Особенно интересно как итальянский специалист проводит широкие наблюдения и параллели между славянской и романской зонами. Р. Пиккио удается раскрыть синхронные процессы развития тех же языковых норм и критериев, основанных на принципе «имитации» как на Западе (в Италии), так и в византийско-славянской сфере (в Болгарии и Сербии во время Евфимия Тырновского и Константина Костенецкого). Он не имеет в виду прямое западно-гуманистическое влияние, а подразумевает прежде всего формальные совпадения и явления подобных феноменов развития в славянских культурных системах в период от XIV до XVI вв., когда появляется народная речь в противовес доминирующему национальному «медью» (средству общения), которым с одной стороны были латинский и греческий языки, а у славян — церковнославянский.⁵⁸ С появлением народной речи возникает стремление укрепить достоинство церковнославянского языка, которым обладал греческий, на основании утверждения базы одного ведущего диалекта, как, например, в Италии был ведущим тосканский диалект в роли *lingua volgare*, так для церковнославянского — русский. Особенно это проявляется в трактате Константина Костенецкого, который отождествлял кирилло-

⁵⁶ Общие условия документации текста еще менее подтверждают, что замечания Храбра о числе славянских слов относятся к кириллице или к глаголице. Этот тезис выдвинутый П.Й. Шафариком, до сих пор существующий во всех дискуссиях о соотношении глаголицы и кириллицы, должен бы быть окончательно отброшен как совершенно несостоятельный, на что своевременно указывал еще и В. Ягич. (R. Picchio, *Questione della lingua*, 86–106.)

⁵⁷ Поэтому предложение «СЪТЪ БО ЕЩЕ ЖИВИ ИЖЕ СЪТЪ ВИДѢЛИ ИЖЪ», с употребленными несомненно старыми элементами, не дает возможности дать точную датировку кодексов XV, XVI, XVII вв. памфлета (с болгарско-русско-молдавскими элементами), т.к. «границы синхронии каждой рукописи могут быть расширены на основании критических результатов собрания всей литературной традиции, но не больше этого. Где прерывается документация, а с ней и любые сведения контекстуальности, там происходит переход от отношений выражений в направлении диахронии, не заключающей в себе никакой правильности во всей передаче текста.» (R. Picchio, *Questione della lingua*..., 106.)

⁵⁸ R. Picchio, *Introduction à une étude comparée...*, 164; *Renaissance Drama and the Formation of Modern Slavic Literary Systems* (manuscript).

-мефодиевскую норму с прарусской моделью церковнославянского языка и который также стремился к орфографическому совершенству церковнославянского, чтобы усилить «ортодоксальность» языка. В то же время, как это уточняет профессор Пиккио, идеологическая разница между славянской и романской зонами состояла в том, что православные славяне отбросили авторитет греческой классической и светской литературы.^{58a} Вообще в течение столетий теоретическая основа церковнославянского языкового вопроса на пространной территории православных славян в сущности не изменилась. Когда в начале XV в. Москва стала центром православных славян, главной заботой и государственной и церковной власти ее оставались и дальше укрепление и сохранение церковнославянского языкового пуризма и усиление церковнославянской традиции, основанной на важных принципах «достоинства» и «нормы». Так называемое Второе южнославянское влияние явилось результатом оживления панправославной идеи духовной общности, выраженной в сети литературных «изонорм», соединявших церковнославянский язык⁵⁹ и продолжавшихся до «Смутного времени» начала XVII в. Польско-русские войны, а затем захват русскими украинских и белорусских земель представляли, по словам профессора Пиккио, переломный момент: «Эти события означали 'начало конца' традиционной цивилизации православных славян.»⁶⁰ На территории «Рутении» в пределах польско-литовской общности церковнославянская культура, открытая непосредственно влиянием западноевропейского Возрождения со всеми этническо-политическими и религиозными расхождениями в XVII в., вступает в новую фазу споров о «достоинстве» и языковой «норме» церковнославянского языка. Новая «украинская норма» церковнославянского языка принимается в широком масштабе, а полемика между защитниками греко-славянской традиции и представителями латино-западных нововведений продолжается еще много лет. Определяя основные положения полемики о «достоинстве» и «нормах» новых литературных «медий» православных славян с XVIII в. и до наших дней, профессор Пиккио рассматривает это в свете отношений «*litterae humanae*» и «*litterae sacrae*». Церковнославянский язык, как «язык текстов», Священного писания и христианской экзегетической литературы больше не мог удовлетворить потребностям западно-гуманистической культуры (светской литературе, политической мысли и т. д.), появляется потребность нового языкового «медия». В этом отношении особенно интересны изыскания (до сих пор еще лишь частичные) одного сотрудника Р. Пиккио Кристофера Бака (Christopher Bick), проведенные в Йельском университете, указывающие на малоисследованный период в русской интеллектуальной истории, когда русские, члены Академии наук, противопоставляя себя немцам, членам той же Академии, приняли как компромиссное решение в вопросе о превосходстве языка латинский язык в виде общего «*Kultursprache*» вместо немецкого.⁶¹ Интересным вкладом, все-

^{58a} Ibid., Introduction à une étude comparée..., 164–165.

⁵⁹ Ibid. 167.

⁶⁰ Ibid. 167.

⁶¹ Ibid. 173–174.

торонне освещающим период изыскания католических кругов Сорбонны и немецких и шведских лютеран новой формы «славяно-русского» языка, чтобы восстановить союз со Святейшим русским синодом, является исследование Р. Пиккио о книге лютеранина Й.П. Кола.⁶² В большинстве случаев переход от общепринятого языка православных славян на новые языки местных национальностей — народов, проявлялся в теоретических изысканиях кодификации смешанных церковнославянских национальных литературных норм, так называемых славяно-русского, славяно-сербского и славяно-болгарского языков. Однако, по словам Р. Пиккио, «вплоть до начала XIX в. наднациональная традиция церковнославянского языка не была окончательно освоена новыми языковыми 'медиями' в России, Сербии и Болгарии. И хотя с одной стороны, церковнославянская традиция в России должна была уступить место новым языковым нормам в течение XVIII в., в период от Петра Великого до Пушкина, с другой стороны, она продолжала расширяться через славяно-русский язык и переживала свой исключительный расцвет вне России», среди балканских славян в Воеводине и Болгарии (ср. сербули, дамаскины, произведения Пайсия, а позднее и Врачанский, Спиридон и другие, вплоть до Христака Павловича).⁶³ Постоянно сравнивая славянские феномены с синхронными феноменами западноевропейских культурных систем, итальянский славист дает общие очертания постепенной кодификации литературного языка у всех славянских народов, принадлежащих как к православной, так и к римокатолической Славиям.⁶⁴

Раскрывая большое и в то же время недостаточно признанное значение итальянского синтеза европейских культурных течений, создавшего теоретическую базу и общие типологические принципы (кодификацию языково-стилистических и риторических норм литературного творчества, установление форм и функций литературных жанров и идеологических и тематических формул и т.д.), и таким образом ставшим образцом для развития литературных систем новых национальных культур в Европе в переходной стадии между Средневековьем и Возрождением, итальянский славист с этой точки зрения анализирует применение новых западноевропейских методов и принципов в кодификации теоретических и нормативных течений в славянских литературах нового времени. Основными славянскими центрами новой кодификации литературных норм были Польша и Хорватское Приморье и, до известной степени, чешские и словенские земли. Трактат Сарбевского «De perfecta poesi» в двадцатые годы XVII в. стал образцом осваивания гуманистических поэтических и риторических прин-

⁶² R. Picchio, La «Introductio in historiam et rem literariam Slavorum» di J.P. Kohl (Contributo alla storia filologia slava predobrovskiana). Ricerche Slavistiche II (1953), 3–28.

⁶³ Id., Toward the Definition of Slavo-Bulgarian, 248.

⁶⁴ Introduction à une étude comparée..., 159–196; Principles of Comparative Slavic-Romance Literary History, 630–643; Латино-романское наследие и развитие литературных систем славянских наций (XVIII–XIX вв.), 361–369; Renaissance Drama and the Formation of Modern Slavic Literary Systems (manuscript).

ципов как у западных, так у восточных славян.⁶⁵ До его появления польские писатели непосредственно обращались к источникам гуманистической кодификации литературы на латинском или на итальянском языках. В одном из своих исследований »Treny Kochanowskiego a poetyka renesansowa« Р. Пиккио указывает, что творчество многих польских писателей эпохи Возрождения должно изучаться совместно с литературными теоретиками латино-романского мира. Благодаря мастерскому анализу как текстологических, идеологическо-философских источников, так и возрожденческой литературной практики, а также и престижу самого автора статьи »Тренов«, которые пролили новый свет на поэзию Яна Кохановского и доказали, что Кохановский не создал новый поэтический канон, а что его произведение было создано по схеме самой типичной теоретической структуры гуманистическо-возрожденческой поэзии и что по всем своим существенным характеристическим чертам, по языку и поэтической правильности творчества включалось, по »способу имитации«, в поэзию Возрождения XVI в. типа Петрарки.⁶⁶ В отличие от римокатолической Славии, для которой итальянская литература XV–XVI вв. была главным образцом утверждения кодификационных и нормативных литературных принципов и методов, у православных славян этот процесс запаздывал и лишь после окончательного распада культурной и языковой церковнославянской общности, т.е. после падения Турецкой империи и польской Речи Посполитой (приблизительно в XVIII–XIX вв.), французский классицизм становится главным образцом в формировании новой литературной системы в России, куда он проникал и влиял через латино-польско-украинский классицизм.⁶⁷

Изучение профессора Пиккио средневековой церковнославянской литературы православных славян имеет два специфических подхода исследований: историко-культурный и стилистический, последний также стремится к своеобразному частичному синтезу, в пределах которого итальянский ученый пытается фиксировать инварианты функционирования языковой церковнославянской системы литературы как системы литературных знаков, распознавание которых зависит от установленных культурных условностей.⁶⁸ Поэтому необходимо изучить

⁶⁵ Латино-романское наследие и развитие литературных систем славянских наций (XVIII–XIX вв.), 366–367.

⁶⁶ Id., *Treny Kochanowskiego a poetyka renesansowa*, *Studies in honor Wiktor Weintraub*, The Hague–Paris 1975, 345–366.

⁶⁷ Id., *Латино-романское наследие...*, 368–369; *Introduction à une étude comparée...*, 174.

⁶⁸ Латино-романское наследие..., 362. Здесь автор заявляет: »Важным фактором в таком представлении литературной системы является условность языка литературы. Так как сущность литературной деятельности заключается в передаче художественного сообщения посредством условного языка, функционирование литературной системы зависит от предварительного одобрения условных правил исполнения 'литературного действия'. — Эту литературную систему, которая зависит от установленных, обусловленных норм, профессор Пиккио назвал 'правилами игры', и далее он уточнил ее следующим образом: 'Эта идея свободной литературы, кажется, отражает глубоко укоренившуюся тенденцию в пространной

»правила игры« в церковнославянской литературе, чтобы правильно расшифровывать идеи ее литературных текстов. Писатель средневековой литературы не мог применять ни одного риторического или поэтического принципа поскольку он не соответствовал всеобъемлющей доктрине православного христианства. Согласно этой духовной традиции Священное писание, произведения св. Отцов Церкви, решения Соборов и других авторитетных христианских учреждений, все это было источниками истины, семантическими критериями. Идея »правильного писания« была тесно связана с идеей »правильной доктрины«. Библия была не только источником истины в отношении значения слов и речевых конструкций, но и образцом для имитации определенных оборотов риторического мастерства. Таким образом, церковнославянская литература развила также поэтико-риторическую технику, которая могла иметь ряд типов, уровней и разнообразное практическое применение.⁶⁹ С этой точки зрения, как это специально подчеркивает итальянский специалист, »прежде всего нужно было бы говорить о функциональной технике толкования сложных идей, зависящих от предмета, о котором идет речь, о квалификации слушателей и о практической целесообразности данного труда«, не применяя понятия »литературных жанров«, как непригодного для такого типа словесного искусства.⁷⁰ Все это навело Р. Пиккио на мысль найти эти маркированные библейские указания и, таким образом, открыть существенный композиционный признак, структурно обозначенный, имеющий такую важную функцию в толковании непосредственного контекста и его модели и носящий фиктивное, скрытое содержание в славянских текстах, который он назвал *библейским тематическим ключом*. Средневековые писатели, желая помочь своим читателям понять »возвышенное«, »духовное« значение их писаний, прибегают к этому специфическому композиционному средству, предназначенному устранить семантическую разницу между различными уровнями значений, »*sensus scripturae*«. Семантическая функция средневекового произведения зависела от общего референта, помещенного вне данного текста. Профессор Пиккио на основе анализа ряда известных и хорошо исследованных до настоящего времени текстов точно определил место главного библейского тематического ключа, утверждая, что он появляется в структурно маркированных местах обычно в начале изложения, т.е. или в первых строках текста, или сразу же после его вводной части, и что он содержит или прямые цитаты из Библии или косвенные ссылки на священные тексты.⁷¹ Открытие так называемого главного библейского

области современной учености, чтобы усвоить как высшую доктрину антиклассические тезисы романтизма, особенно проявившиеся в их полемическом отбрасывании правил и моделей. Между тем, правила и модели в литературе, как и в любой выразительной форме, по-видимому, представляют исторические компоненты какого-то определенного кода, иными словами, от степени условности зависит понятность любой информации. « (Roman Jakobson on Russian Epics and Old Russian Literature /manuscript/.)

⁶⁹ R. Picchio, The Function of Biblical Thematic Clues..., 4–5 (manuscript).

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ The Function of Biblical Thematic Clues..., 5–6.

тематического ключа, его местонахождения и функции, а также ряда других ключевых слов, которые лейтмотивом проходят через весь текст и управляют его семантической системой, представляет собой исключительно важный вклад в подлинное понимание смысла и содержания средневековой литературы в целом, потому что он своей семантической функцией обеспечивает точное толкование всего текста и открытие истинного значения выраженной идеи.

Последний цикл своих работ Р. Пиккио посвятил изучению ритмической структуры древнерусской, точнее, церковнославянской прозы.⁷² Эти исследования, проводимые им в Йельском университете на протяжении ряда лет, представляют новый раздел в истории славянской поэтики и в изучении просодической структуры в целом. На протяжении более 150 лет, начиная еще с произведения А.Х. Востокова «Опыт о русском стихосложении» (СПб., 1817) и вплоть до настоящего времени (до трудов последних известных специалистов в этой области),⁷³ можно наблюдать как многие выдающиеся слависты пытались установить вероятные просодические структуры, владеющие огромным корпусом как древнерусской прозы, так и старославянской. Особого внимания заслуживает исследование знаменитого русского специалиста Д.С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» (Л., 1967), передающее всю сложность просодии древнерусской литературы (особенно значительна глава этого труда о проблемах «стилистической симметрии»,⁷⁴ а также последняя статья В.В. Виноградова «Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.», указывающая на необходимость включения аспектов риторической кодификации в исследование о языке литературы.⁷⁵

⁷² R. Picchio, On the Prosodic Structure of the Igor Tale. *Slavic and East European Journal*, vol. 16, №2, Summer 1972, 147–162; id., *Strutture isocoliche e poesia slava medievale. Ricerche Slavistiche XVII (1972) – Memoriam Giovanni Maver*, 419–445; id., *The Isocolic Principle in Old Russian Prose. Slavic Poetics. Essays in honor of Kiril Taranovsky*, The Hague–Paris 1973, 299–331; id., *Sulla Struttura prosodica di una pagina romana di Gogol'. Strumenti Critici* 20, Roma 1973, 105–116; id., *Models and Patterns in the Literary Traditions of Medieval Orthodox Slavdom*, id., *Isocolic Constructions in Old Serbian Prose. Xenia Slavica. Festschrift for G. Ružičić*, The Hague–Paris 1975, 149–161; id., *Simmetrie prosodiche in Dostoevskij (osservazioni sulla tradizione medievale nella prosa russa moderna)*, доклад, прочитанный на международном симпозиуме о Достоевском (Fondazione G. Cini, Venezia 1974 – manoscritto); id., *Su alcune analogie fra la tecnica scrittoria del Petrarca e gli stili della letteratura slava balcanica nel XV secolo. Petrarkizam u slavenskim zemljama*, Zagreb–Dubrovnik 1978, 411–424; id., *L' »intreccio delle parole« e gli stili letterari presso gli Slavi ortodossi nel tardo Medio evo. Studi Slavistici in ricordo di Carlo Verdiani*, A cura di A.M. Raffo, Giardini Editori, Pisa 1979, 245–262.

⁷³ Мы упомянем только имена некоторых из них, как например, В.П. Адрианова–Перетц, А. Достал, И. Дуйчев, И.П. Еремин, Н.К. Гудзий, Р. Якобсон, Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Д. Чижевский, Дж. Трифунович, Н.С. Трубецкой, Л.И. Тимофеев, Н. Ван Вейк, В.В. Виноградов, Д. Ворт и многие другие; важнейшие произведения этих авторов, как их анализ смотри у Р. Пиккио, (*Models and Patterns...*, 457–458).

⁷⁴ Д.С. Лихачев, *Поэтика древнерусской литературы*, 168–175.

⁷⁵ В.В. Виноградов, *Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.* ВЯ 1969, вып. 6, 3–34.

Исходя из других позиций и в согласии с комплексом своих органически связанных исследований до настоящего времени, особенно в области критики текста (т.е. принимая во внимание возможность интерполяций, нормальных вставок или повторной обработки в стиле славянской «открытой традиции») профессор Пиккио проводит анализ просодии текстов в их реальной целостности, на документации, основанной на непосредственном чтении кодексов (не отказываясь а priori от любой возможной гипотезы о происхождении текста). Из-за отсутствия риторических кодификаций в славянской средневековой традиции пригодных приписать многие формальные средства определенным стилистическим источникам итальянский славист ограничивается в своем труде утверждением конкретных риторических средств и мастерских оборотов, содержащихся в огромном текстологическом материале славянской средневековой стилистической традиции, а также и описанием их основной характеристики и ценности. В ряде своих произведений Р. Пиккио описал открытие особенного типа ритмических структур, базирующихся на правильном употреблении серий с одинаковым числом ударных единиц, т.е. ритмических «кол» (cola = membra — членов предложения) или еще точнее синтаксических сегментов с постоянным числом ударений (число слогов не ограничено и не влияет на их состав). Эти изотонические серии «кол» (изоколические серии — см. ниже) могут быть «простыми», составленными из параллельных просодических сегментов, одинаково акцентированных (например 3/3/3/3/.., или 5/5/5/5/...), или «чередующихся» с появлением двух различных типов «кол» в одном ряде (например 3/4/3/4/.., или 2/5/2/5/..). При этом место ударения в слове не релевантно, имея при этом в виду то, что это не может изменить их общего числа в каждом «кóлоне» (греческий поэтический термин κῶλον), однако, выделение каждого «кóлона» должно отвечать логическому целому, а то, в противном случае, изоколическое скандирование было бы произвольным.⁷⁶ Профессор Пиккио заимствует из классической и средневековой риторики греческий термин *изоколон* и вводит соответствующее прилагательное »isocolic« (изоколический), указывающий на ритмическую «одинаковость» «кол». Чтобы описать природу этого просодического феномена итальянский славист постулирует »изоколический принцип«, управляющий стилистической традицией огромной части славянской средневековой прозы, создавая постоянный синтаксис в литературном языке восточных и балканских славян.

Наиболее выдающийся среди современных итальянских славистов Р. Пиккио, обладая исключительным чутьем филолога и используя скрупулезный анализ в своих исследованиях, блестяще открыл прозаическую технику, функционирующую в качестве ведущей структуры многочисленных сочинений церковнославянской литературы, которая и до сегодняшнего дня остается незамеченной и неопи-санной другими учеными.

Употребление »изокол« хорошо скандированных, с ярко выраженной тонической структурой, основанных на ясной просодической симметрии (благодаря одинаковому числу ударений), с совпадением ритмических и логических пауз,

⁷⁶ R. Picchio, *Models and Patterns...*, 459–460.

облегчало чтение текстов вслух и помогало слушателям следить за смыслом фраз, сконструированных паратактически. По данным исследований профессора Пиккио, изоколические конструкции содержали 2, 3, 4 или 5 ударений и при различных комбинациях этих основных размеров могли дойти до максимального числа от 6 или 7 ударений в основной единице. В наибольшем числе случаев двухакцентное окончание нужно рассматривать как *автономный жолон*, вступающий в различные комбинации (2+2, 2+3, 3+3, 4+2, 4+3, 5+3 и т.д.). Однако, как дальше замечает итальянский славист, часто это просодическое окончание на самом деле открывает независимую изоколическую серию, точно обозначенную повторением ударных автономных единиц, для которых исследователь вводит термин *cauda* или точнее *caudae*, который обозначает логическую и ритмическую связь с предыдущим «жолоном» и служит для деления просодического предложения на две части.⁷⁷ Вообще начало или конец какой-либо изоколической серии, а иногда и отдельного «жолона» обозначаются сигналами, как например, акцентированные рифмы, ударные паузы между «семиколонами», искусные вставки повторяющихся или рифмованных окончаний «семикол» или «кол», чередующиеся синтаксические и голосовые совпадения, смысловые симметрии и т.д. Наряду с «горизонтальным» чтением, «вертикальный» анализ этих рядов может помочь читателю открыть другие смысловые нити изоколической канвы.⁷⁸

От начала летоисчисления вплоть до XVIII в. во всей православной славянской зоне наблюдалось постоянство и обширное распространение феномена, который характерен не только для риторической сущности текстов, но и для синтаксических структур церковнославянского языка, базирующегося на различных литературных стилях, переплетающихся с местными вариантами, что позволило профессору Пиккио сделать заключение, что изоколизм на изотонической основе является постоянной составной частью литературного языка, одной из существенных характеристик наибольшей части средневековой прозы православных славян.⁷⁹ Исследователь-энтузиаст славянского Средневековья профессор Пиккио детально описывает различные типы изоколических конструкций («диколоны», «триколонь», вплоть до многовалентных «жолонов» и ритмических структур), используя огромный выбор текстов из древнерусской и южнославянской литератур, географически очень отдаленных друг от друга. Он обращает особое внимание на тексты так называемого Второго южнославянского влияния (для которых характерным является прием «плетения словес»), а также и на глаголический отрывок «Легенды св. Вацлава» из Люблянского бревиара (номер

⁷⁷ Термин *cauda* (как и *isokolon*), а также и другие термины употреблены не как тождественные, а по общей аналогии с классическими названиями; конкретно *cauda* употреблена согласно поэтическому приему *versus caudatus* (R. Picchio, *The Isocolic Principle in Old Russian Prose*, 304) или, например, *antiphonal caudae* встречаются в Житии Александра Невского (*ibid.*, 325–326).

⁷⁸ R. Picchio, *Models and Patterns...*, 463–464.

⁷⁹ *Id.*, *Sulla struttura prosodica di una pagina romana di Gogol'*, 110; *id.*, *Simmetrie prosodiche in Dostoevskij (manoscritto)*.

161) и дополняет свой анализ изучением синхронного романского изоколического материала из известных отрывков прозы и поэзии Петрарки. Таким образом, профессор Пиккио документально показывает присутствие сложных и высоко развитых стилистических средств на разнообразном материале, исследуемом им, и указывает насколько широко «изоколический принцип» применялся на огромной территории от Балкан до России. Большое признание получил «изоколический принцип» в работе Э. Герцигони «Средневековая литература» (Загреб, 1975), представляющей новейшее достижение в истории литературы, где безоговорочно приняты недавно открытые профессором Пиккио изоколические структуры, которые применены в главе о стилистике древнехорватских текстов, указывая, что и эти тексты принадлежат к той же стилистической традиции.⁸⁰

В плане критического чтения текстов изучение изоколических структур имеет важное значение. «Когда на самом деле изоколическая регулярность определенного текста будет доказана, можно будет в действительности предположить, что автентичное чтение совпадает с просодическим обликом текста.»⁸¹ Таким способом профессор Пиккио пытался разрешить текстологические проблемы некоторых «темных» мест в тексте «Слова о полку Игореве», вызывающим такие продолжительные споры и недорозумения и являющимся наиболее популярным и интересным памятником древнерусской литературы. Именно с «Слова...», которому итальянский славист, вероятно, посвятил больше всего внимания, он и начал эти обширные исследования в области изоколизма. Базируясь на «изоколическом скандировании», распознающимся только тогда, когда оно совпадает с логическо-синтаксическим сегментом каждого члена предложения, между которыми существует симметрическое отношение, Р. Пиккио установил, что текст «Слова...» содержит чистую изоколическую структуру, такую же как и многие другие древнерусские тексты, и что этот эпос ни в чем не отличается от средневековой изоколической традиции и даже содержит очень высокую степень риторических тонкостей.⁸² Неизвестность того факта, что славянская письменность и устно распространяемые тексты были «открытой системой» в средневековой русской и вообще православной цивилизации и могли быть внесены в соседние литературные сферы (например, хроники или фольклорный эпос),⁸³ вызвало бурную и долгую полемику об автентичности «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Фундаментальный филологический анализ текста «Слова...» дал возможность скрупулезному исследователю увидеть несостоятельность обеих крайних оценок «Слова...»: с одной

⁸⁰ E. Hercigonja, *Srednjovjekovna književnost*, 140–193.

⁸¹ R. Picchio, *Strutture isocoliche e poesia slava medievale...*, 420..

⁸² Id., *On the Prosodic Structure of the Igor Tale*, 147–162, 151; *Notes on the Text of the Igor' Tale*, *Harvard Ukrainian Studies*, vol. III, 1, 1979, 1–25; id., *The Isocolic Principle in Old Russian Prose*, 320; id., *Strutture isocoliche e poesia slava medievale...*, 425–426; id., *Simmetrie prosodiche in Dostoevskij* (manoscritto).

⁸³ Id., *In merito alla tradizione testuale russa antica*, 415–432; id., *La poesia epica e la sua formazione*, 467–480, id., *Roman Jakobson on Russian Epics and Old Russian Literature* (manuscript).

стороны «Слова...» не является подделкой древнерусского произведения, относящегося к XVIII в., с другой стороны, что оно представляет собой якобы произведение самой высокой художественной ценности, обладающее непревзойденным поэтическим мастерством, и является почти «аномалией» в средневековой славянской литературе. Имея в виду «открытую традицию» славянских текстов, не принимая реконструкций «Слова...», стремящихся восстановить первоначальный текст его, и по тем же причинам не считая первостепенным утверждение его автентичности на основе слишком неопределенных терминов исторического сравнения, профессор Пиккио допускает только основательный анализ конкретных совпадений особенностей «Слова...» с другими документами того же периода.⁸⁴ Именно благодаря «изоколическому скандированию» итальянский славист успешно разгадал ряд «темных» мест в «Слове...».⁸⁵ Критическое издание «Слова о полку Игореве» Р. Пиккио начал подготавливать совместно с Анджелимо Данти, который был его учеником. А. Данти был к тому времени уже зрелым итальянским славистом, который все годы своей научной жизни работал с большим энтузиазмом и преданностью. К сожалению, ему не суждено было завершить начатую с Р. Пиккио работу над «Словом...», так что профессор Пиккио заканчивает это издание один. Это издание будет переведено на английский язык под названием: *The Igor' Tale: its Meaning and Composition; Two Essays and a New Textual Reading by Riccardo Picchio and Angiolo Danti* (перевод «Слова о полку Игореве» на английский язык будет выполнен Гарви Голдблаттом). Издание будет содержать критический комментарий текста «Слова...», будет сделано текстологическое сравнение его с «Задонщиной» и весь текст «Слова...» будет разделен в соответствии с «изоколическим чтением». Это первое «изоколическое» издание «Слова...» вскоре будет опубликовано.

Исследования в области тонического изоколизма «Слова...» выдающегося итальянского филолога также как и его сравнительные анализы изоколических структур многих прозаических «поэтических» текстов славянского Средневековья и произведений Петрарки, которые содержат эквивалентные ударные «изоколонны» в самой простой форме ряда изотонических синтаксических сегментов,⁸⁶ создали соответствующее представление о размере феномена. Открытие «изоколического принципа» должно изменить многие взгляды в истории всей славянской средневековой литературы от IX до XVII вв., вплоть до принятия силлабизма в областях «Рутении» во время Симеона Полоцкого. В то же время изоколические структуры во всем своем разнообразии и сложности и все еще невыясненного происхождения увеличили число вопросов, касающихся отношений «прозы» и «поэзии» в течение всего Средневековья, и которые по сегодняшний день остаются без

⁸⁴ Id., *Roman Jakobson on Russian Epics and Old Russian Literature* (manuscript).

⁸⁵ Id., *On the Prosodic Structure of the Igor Tale*, 147–162. *Notes on the Text of the Igor' Tale*, 1–25.

⁸⁶ Id., *Su alcune analogie fra la tecnica scrittoria del Petrarca e gli stili della letteratura slava balcanica nel XIV secolo* 411–424, 420–423.

ответа. Изоколические структуры, базирующиеся на числе ударений, а не на числе слогов, являются очень важным в изучении литературного древнерусского языка, т.к. открывают новые перспективы в изучении метрико-силлабической традиции всего славянского средневекового литературного наследия.

Чтобы проверить довольно распространенное мнение о том, что древняя славянская поэзия по своей природе была силлабической,⁸⁷ Р. Пиккио проанализировал наиболее спорные примеры древнеславянской поэзии, структура которых была силлабической и которые вставлены в прозаический текст »Жития Кирилла« (»Житие Кирилла« III Поэтическая похвала Константина св. Григорию и Молитва Константина о получении дара божественной мудрости, »Житие Константина« XIII спорная надпись на Соломоновой чаше). Итальянский славист пришел к заключению, что изоколическое чтение этих отрывков совпадает с силлабическим скандированием, и что существуют отрывки с »двойным значением«, в которых силлабическая регулярность может сосуществовать с изоколической. С точки зрения критического чтения текстов здесь речь могла бы идти о сочинениях с силлабической структурой (как о первоначально ритмических единствах), вошедших в более поздние сборники и имевших тонический ударный характер.⁸⁸ Изучение »поэтических« сочинений, проводимое и по сей день с точки зрения их силлабического характера не было основано на чисто прозодическом анализе, как замечает профессор Пиккио, а было основано на реконструкции лишь отдельных выдержек из полного текста и при этом применялся метод определения изосиллабизма в соответствии с заранее установленными поэтическими структурами.⁸⁹ Совпадение изотонизма и изосиллабизма возможно потому что, как подчеркивает итальянский ученый, текстологическая реальность изотонизма не исключает гипотетической законности силлабизма. Если существует регулярность ударений в средневековых славянских текстах, число слогов может быть регулярным или в то же время может не быть регулярным.⁹⁰ Следовательно, различные поэтические отрывки, данные в регулярном распределении слогов, формируют стихи, т.е. ритмико-синтаксические единства, органически вставленные в сложную просодическую организацию изоколического текста и как его составная основная часть, онтологически ему не противопоставляются, даже если они одновременно входят в различные образцы исполнения. Разница между прозой и поэзией основана на уровнях и стилях, но всегда внутри общих границ ритмико-синтаксической кодификации. Поэтому »...риторические 'поэтические' и 'прозаические' средства могут сосуществовать... Грани между поэзией и прозой часто колеблются и за-

⁸⁷ Id., *Strutture isocoliche e poesia slava medievale...*, 420.

⁸⁸ Id., *Simmetrie prosodiche in Dostoevskij (manoscritto)*.

⁸⁹ Id., *Strutture isocoliche e poesia slava medievale...*, 434–440; id., *The Isocolic Principle in Old Russian Literature*, 300, 311; id., *Models and Patterns...*, 458–459; id., *On the Prosodic Structure of the Igor Tale*, 147–149, В примечании №2, на стр. 158–159 даются подробные критические замечания о предшествующей литературе.

⁹⁰ R. Picchio, *Strutture isocoliche e poesia slava medievale*, 420.

висят от индивидуального толкования не только славянской, древнерусской или византийской художественной прозы, но и любого вида риторически организованной речи.⁹¹ И как метко отмечает далее итальянский филолог, границ между прозой и поэзией часто не существует из-за наличия постоянной просодической структуры прозаического творчества. В этом плане нужно рассматривать и факт, почему большая часть древнерусской поэзии до XVII в. мнимо утопает в прозаических средневековых контекстах.⁹²

Соотношение между изоколическими структурами церковнославянской традиции и многими другими русскими поэтическими формами, основанными на силлабических исчислениях, нашло отражение в полемике о «силлабических», «тонических» и «силлабо-тонических» составных единицах русских просодических систем, заняв центральное место в истории литературного русского языка XVIII в. Вот почему исключительно интересна и важна позиция в этих основных тонико-силлабических отношениях отца русской поэзии В.К. Тредьяковского, на что профессор Пиккио и обращает внимание. Больше того итальянский исследователь обнаруживает у Тредьяковского и термин *изоколон* как риторический прием, свойственный прозе, а не стихосложению, на который последний выразительно указывает в своем «Трактате о стихосложении» в 1752 г.⁹³

Желая провести параллель между синхронными славянскими и романскими текстами, просодические структуры которых были заложены на более старых традициях Востока и Запада, профессор Пиккио останавливается на отрывке из письма Петрарки (комментарий о поражении Кола ди Риенцо), ясно показывающем утонченность фонического содержания на самом высоком уровне «поэзии в прозе» и указывает, что эта утонченная ритмико-синтаксическая структура, кажется, может облегчить проведение границы между «прозой» и «поэзией». Во всяком случае, Петрарка понимал необходимость не впасть в ритмизацию прозы, придерживаясь принципа Цицерона: «*Quicquid est enim quod sub aurium mensuram aliquam cadit, etiam si abest a versu — nam id quidem orationis est vitium — numerus vocatur, qui Graece ῥυθμὸς dicitur.*»⁹⁴

Исходя из вышеприведенных позиций и основываясь на твердых доказательствах, выведенных на конкретном текстологическом анализе, итальянский ученый стремится установить взаимные прозаическо-поэтические отношения в системе, основанной на изоколических структурах, обуславливающих различные поэтические формы в древнерусской литературе. Подтверждение подобного подхода к принципам, управляющим поэтико-риторической традицией, итальянский фило-

⁹¹ Id., *The Isocolic Principle in Old Russian Prose*, 310–311.

⁹² *Ibid.*, 299–331, 300.

⁹³ R. Picchio, *Strutture isocoliche e poesia slava medievale...*, 436–437.

⁹⁴ Id., *Su alcune analogie fra la tecnica scrittoria del Petrarca...*, 423. Все то, что может быть уловимо слухом, даже если это и не представляет собой стихотворной формы – т.к. это может являться ошибкой в прозе –, называется размером, а в греческом языке – рифмой. (*Orator ad M. Brutum*, 66–67).

лог находит в словах Цицерона: »*Sit igitur hoc cognitum in solutis etiam verbis inesse numeros eosdemque esse oratorios qui sint poetici.*«⁹⁵ Подлинная поэзия может быть не только в риторических текстах прозаических писаний, но и более того, обыденная естественная речь может быть поэтической, для этого надо лишь отыскать типичные особенности древнерусской, точнее, церковнославянской поэзии, а также и исторические факторы, из которых эти особенности вытекают.

Интерес Р. Пиккио как в начале своей деятельности, так и теперь, в основном сосредоточен на текстах Средневековья. Существование твердой и преобладающей просодическо-стилистической традиции в древнерусской литературе и вообще в церковнославянской вдохновило этого исследователя-энтузиаста обнаружить следы этой традиции в новой русской прозе.⁹⁶

Образования ритмических моделей с семантико-стилистической функцией влияют на общую синтаксическую схему языка: изоколические структуры служат для обозначения предложения с логическим смыслом, их применение влияет на развитие структур паратаксического фразеологического типа. Тенденция создания »закрытых« или непрерывных вставок (без предлогов или подобных союзов) очевидна, в результате чего появился тип предложения менее зависящий и менее сложный. Так как изоколизм выполнял синтаксическую функцию, означающую надсегментальные единства в паратаксисе многовекового древнерусского, т.е. церковнославянского языков, профессор Пиккио естественно предложил, что литературный язык, развившийся по подобным моделям и эталонам, был более открыт для сохранения изоколических структур. Несомненно, что разработка наиболее основательных просодических технических приемов в период истории нового времени, особенно после возникновения очень богатой силлабической поэзии в России в XVI в., повлияло, с одной стороны, на сохранение до некоторой степени традиционной изоколической техники, а с другой — вызвало ее переформулирование и значительное ограничение.⁹⁷ Анализ отдельных примеров из прозы Гоголя и Достоевского, а также и проведение интересных параллелей с прозой Пушкина и отрывками из Анны Карениной Толстого, сделанные итальянским ученым, показывают, что в русской прозе присутствие изоколизма, управляемого изотоническими совпадениями, не предполагает обязательно фиксированной формы, как это имеет место в определенных контекстах традиционной церковнославянской фактуры, обладающей постоянством известных ударных моделей. Особенно это понятно становится, когда имеется в виду, что кодификация наднационального церковнославянского литературного языка проведена с ощутимым отделением от разговорного языка, и в то же время современная русская проза

⁹⁵ Id., *The Isocolic Principle in Old Russian Prose*, 331, footnote 64: »Поэтому, пусть будет известно, что даже и в прозе эти размеры существуют и что эти размеры те же самые как в ораторской, так и в поэтической речи.« (Cicero, *Orator*, LVI–19).

⁹⁶ Id., *Sulla struttura prosodica di una pagina romana di Gogol'*, 105–116; id., *Simmetrie prosodiche in Dostoevskij* (manuscripto).

⁹⁷ Id., *Sulla struttura prosodica di una pagina di Gogol'*, 111.

очень чувствительна к разговорным интонациям, поэтому можно легко объяснить отсутствие традиционных изоколических моделей в текстах русских прозаиков.⁹⁸ В этом освещении получает свое оправдание «изоколическое скандирование» как в первых строках введения к «Сорочинской ярмарке» Гоголя, так и в первых произведениях Достоевского, где ритм нарушается и производит впечатление периодической асимметрии. Достоевский достигает ритмические и логические параллели только в своих поздних произведениях с разработанным синтаксисом («Записки из мертвого дома», «Братья Карамазовы», «Бесы», «Идиот», «Преступление и наказание», «Подросток»), где его просодические симметрии уже гораздо более ощутимы. Итальянский славист с удивительной точностью и чуткостью к старой повествовательной технике церковнославянской прозы открывает изоколические серии с пятью и шестью ударениями в прозаических и ритмических отрывках Достоевского, тождественных средневековой славянской литературе, которые, по его признанию, несмотря на их исключительную «естественность», ускользнули бы от опытного знатока современного русского языка.⁹⁹ Трудно охарактеризовать как случайные совпадения эти акцентные структуры изоколического типа, являющиеся многочисленными, не только в средневековых славянских текстах, но и в современной русской прозе, базирующейся большей частью на церковнославянской традиции,¹⁰⁰ т.к. обработка языковой культуры в течение столетий проникала во внутреннее содержание литературных элементов.

Присутствие старого славянского средневекового изоколизма в современной русской прозе представляет по логичному и бесспорному мнению итальянского филолога историческую составную часть всего современного литературного русского языка. В отношении Достоевского (как и в отношении других писателей нового времени) тип просодической симметрии, установленный профессором Пиккио, может означать в первую очередь только один компонент поэтической полифонии Достоевского и то не самый значительный.¹⁰¹ Достигнутые результаты в изучении изоколических структур и исключительная важность изучения непрерывности «изоколического принципа» в истории традиции церковнославянского и современного русского языка прокладывают путь новым синтетическим исследованиям истории поэтического и риторического русского языка и заслуживают самого большого внимания критиков и историков литературы.

⁹⁸ Id., Ibid., 114.

⁹⁹ Ibid., 114–115.

¹⁰⁰ В сербской литературе после Вука Караджича наступило резкое размежевание между церковнославянским и современным сербским литературным языком, и только при внимательном и более глубоком анализе можно определить в какой степени эти изоколические структуры сохраняются в современном сербском языке. Во всяком случае, интересно подчеркнуть, что профессору Пиккио удалось обнаружить изоколизм у Ивы Андрича, но по его осторожному, и все еще фрагментарному наблюдению, у Андрича речь идет об имитации помпезного ритма псевдопопулярного типа хроник (устная дискуссия).

¹⁰¹ R. Picchio, *Simmetrie prosodiche in Dostoevskij* (manoscritto).

Объем этой статьи не позволяет, к сожалению, более подробно рассмотреть проблемы, поставленные в разностороннем труде профессора Пиккио, занимающегося вопросами культуры, истории, литературы и языка всех славянских народов с древнейших времен вплоть до настоящего времени, использующего широкий сравнительный метод (ныне он работает в Йельском университете, Нью-Хавен — США). В добавление можно указать на некоторые его работы по польской, болгарской и русской литературе, которые по своим славяно-романским сравнительным подходам заслуживают серьезного внимания специалистов.¹⁰²

По своему фундаментальному вкладу в науку, по актуальности рассматриваемых проблем как в плане теоретико-методологическом, так и в области конкретного изучения огромного корпуса славянских текстов, вся научная деятельность Р. Пиккио, одного из ведущих славянских филологов сегодня, представляет собой горячий призыв к литературоведам и языковедам, а также и к литературным критикам, ступить на путь исследований неизведанных областей славянской филологии, чтобы лучше понять существенные компоненты славянской и современной европейской культуры.

¹⁰² R. Picchio, *Gli Annali del Baronio-Skarga e la storia di Paisij Hilendarskij. Ricerche Slavistiche III* (1954), 211–233; id., *La 'Istorija Slavėnolbolgarskaja' sullo sfondo linguistico e culturale della Slavia ortodossa. Ricerche Slavistiche VI* (1958), 103–118; id., *Lo Slavobulgaro di Paisij. Ricerche Slavistiche XIV* (1958), 77–112; id., *L'occidentalismo conservatore di Penčo Slavejkov. Ricerche Slavistiche I* (1952), 124–143; id., *Un pamphlet epico de Propagando Fide: La Bulgheria convertita di F. Bracciolini, A cura dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli, Convegno Italo-Bulgaro, Napoli-Positano 29–30 giugno 1979* (в печати). *Il sarmatismo polacco, Note di storia della cultura barocco. Nova Historia. Verona 1951*, 10; id., *Tradizione sarmatica e slavismo polacco. Ricerche Slavistiche II* (1953), 155–178; id., E.M. Manolesso, *A. Vimina e la Polonia. Venezia e la Polonia nei secoli dal XVII al XIX, a cura di Luigi Cini. Istituto per la collaborazione culturale, Venezia-Roma 1965*, 121–132; id., *Struktura stylistyczna »Gofreda« na tle tradycji polskich. W kręgu »Gofreda i Orlanda«, Wrocław-Warszawa-Kraków 1970*, 25–34; id., *On Russian Romantic Poetry of Pushkin's Era. Slavic and East European Studies 1971*, 16–30; id., *»Аргивяне« В.К. Кюхельбекера и Витторио Альфьери. Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М.П. Алексева, изд. »Наука«, Ленинград 1976*, 270–276; id., *Dante and J. Malfilâtre as Literary Sources of Tat'jana's Erotic Dream (Notes on the Third Chapter of Pushkin's Evgenij Onegin). Alexander Pushkin, a Symposium on the 175th Anniversary of His Birth. Ed. A. Kodjak and K. Taranovsky, New York, New York University Press 1976*, 42–55. — Р. Пиккио также опубликовал и книгу по культурно-политической истории славянских народов: *L'Europa orientale dal Rinascimento all'età illuministica*, Villardi, Milano 1970, 325. Ряд литературных славяно-романских статей Р. Пиккио (преимущественно из болгарской, хорватской, польской и русской литератур) появился в отдельном издании *Études Littéraires slavo-romanes, Studia historica et philologica — VI, Sectio Slavoromanica 3, Firenze 1978*, pp. 207, в котором указывается на важность систематических исследований славянороманских параллелей в формировании одного общего языка европейской литературы от эпохи Средневековья вплоть до Нового Времени.

Статья «Славянская филология в трудах итальянского слависта профессора Риккардо Пиккио» готовилась к печати в 1977–1979 годах, часть материалов, которая появилась в последнее время, к сожалению, не могла быть включена автором в эту статью. (О.Н.)

SLOVO

29

ČASOPIS STAROSLAVENSKOG ZAVODA U ZAGREBU
ZAGREB 1979

S L O V O

**ČASOPIS STAROSLAVENSKOG ZAVODA
»SVETOZAR RITIG«
Instituta za filologiju i folkloristiku, p.o. Zagreb**

Izlazi jedanput godišnje

UREDNIŠTVO: 41000 ZAGREB, DEMETROVA 11

BROJ: 29

**Urednički odbor:
ANICA NAZOR, MARIJA PANTELIĆ,
JOSIP TANDARIĆ**

**Glavni urednik:
ANICA NAZOR**

**Odgovorni urednik:
BISERKA GRABAR**

**Tehnički urednik:
JOSIP MILIĆ**

**Korektori:
JASNA VINCE, JOSIP MILIĆ**

**Ovaj broj časopisa »Slovo« izlazi uz financijsku pomoć Republičke zajednice za znanstveni rad SR
Hrvatske, SIZ–VII.**

Tisak: Štamparski zavod »Ognjen Prica«, Zagreb, 1980.